

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ДАЛЬНОМ ВОСТОКЕ СССР

Препринт

Владивосток 1989

Артемьев А.Р., Березницкий С.В., Горшкова И.С., Егоров Н.Г.,
Ермаков В.Е., Кляев Н.А., Крадин Н.Н., Никитин Ю.Г., Толсто-
ногова В.В., Штуцев М.Г.

Археологические и исторические исследования на Дальнем
Востоке СССР. Препринт /Институт истории, археологии и эт-
нографии народов Дальнего Востока. Владивосток:ДВО АН СССР,
1989. — 56 с.

Предлагаемый вниманию читателей сборник содержит краткие
тексты сообщений участников конференции молодых ученых Инсти-
тута истории, археологии и этнографии народов Дальнего Восто-
ка ДВО АН СССР, состоявшейся в апреле 1989 г. Хронологический
диапазон публикаций весьма широк — от дальневосточного неולי-
та до начала нынешнего века. Территориально большинство пуб-
ликаций посвящены археологическим, историческим и этнографи-
ческим проблемам юга Дальнего Востока СССР. Две работы исто-
риографического характера, посвященные анализу дискуссий о
социальном строе кочевых народов и современным концепциям де-
мографической археологии на Западе. Сборник также включает
спорное исследование о сущности феодального способа производ-
ства, публикуемое в порядке обсуждения.

Ил. 13, библиогр. с.43-47.

Отв. редактор — канд. ист. наук Ю.Е. Вострецов

Рецензент — канд. ист. наук Л.В. Конькова

Утверждено к печати Ученым советом Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР

Н.Н.Крадин

ЭТАПЫ ДИСКУССИИ О СОБСТВЕННОСТИ У КОЧЕВНИКОВ

Как это не парадоксально, 1934 год, ставший печальной вехой в одном из самых мрачных периодов истории нашей Родины, явился одновременно и важным рубежом в отечественном кочевниковедении. Именно в этом году вышла книга иркутского профессора Н.Н.Козьмина "К вопросу о турецко-монгольском феодализме", был опубликован, прочитанный годом ранее на сессии ГАИМК доклад С.П.Толстова "Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах" и была издана, оставшаяся незаконченной из-за смерти автора в 1931 г., работа Б.Я.Владимирцова "Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм". Монография Н.Н.Козьмина оказалась незамеченной, хотя автор самостоятельным путем пришел к идее о существовании у кочевников феодализма". Это не какая-либо особая общественная формация... а просто феодализм. Можно даже не прибавлять термина "кочевой" или "азиатский" (I, с.73). В то же время исследования С.П.Толстова и Б.Я.Владимирцова стали основополагающими для последующей дискуссии. Естественно, что основой для споров при этом послужили расхождения между концепциями в базисной части теорий - в вопросе о собственности.

По С.П.Толстову пастбища номинально оставались в общественной собственности, тогда как фактически они оказывались в безраздельном владении того, кто монополизировал владение скотом (2, с.191). Иначе говоря, основой феодализма, по мнению автора, была собственность на скот, а ведущей формой эксплуатации - отдача скота на выпас, так называемый "саун" (по С.П.Толстову - "саун").

В работе Б.Я.Владимирцова была выдвинута иная точка зрения, согласно которой основой феодализма у кочевников служила собственность на землю. Он писал: "Наши источники определенно указывают, что *nutug* (*yurt*), т.е. пространство земли, достаточное для содержания той или другой кочевой единицы, считалось принадлежащим господину - *ноуан* или царевичу - *кюбегюн*" (3, с.111). Однако, вероятно, чувствуя некоторую умозрительность высказанного положения, он был вынужден "заземлить" его на людях. "В древне-монгольском обществе, в период империи, у кочевников владение землей выражалось в том, что *ноуан*, т.е. феодальный сановник, царевич или "тысячник", руководил кочеванием зависимых от него

людей (ulus), направляя их по своему усмотрению, распределяя лучшие пастбищные угодия" (3, с. II2). И, соответственно, "раз сеньор владел людьми, то естественно должен был и владеть землей, на которой они могли бы жить-кочевать" (3, с. III).

Постепенно понимание феномена собственности у кочевников предложенное Б.Я.Владимирцовым получило всеобщее распространение, а его концепция "кочевого феодализма" (далее - КФ) была возведена в ранг официальной теории. Со временем уровень развития кочевых обществ относительно западноевропейского эталона стал занижаться, а сам термин "феодализм" применительно к ному-дизму стал обрастать спасительными дополнениями типа "полу" или "патриархальный" (ср.: 4, с. 93). Следствием этого явилась трансформация понятия КФ в термин "патриархально-феодальные отношения".

Начало 50-х годов знаменует окончание определенной фазы в эволюции парадигмы КФ. Постепенно возрождается точка зрения С.П.Толстова об определяющей роли скота в сущности феодальных отношений к кочевникам. Сначала оппоненты обменялись своими мнениями относительно роли скота и земли на страницах журналов, а затем их разногласия были обсуждены на Ташкентской научной сессии 1954 г., посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Главным защитником точки зрения Б.Я.Владимирцова явился Л.П.Потапов. В его докладе "О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана" говорилось, что основой феодализма у кочевых народов Средней Азии и Казахстана выступала феодальная собственность на землю, которая выражалась в монопольном распоряжении аристократией кочевьями и пастбищами, облаченная внешне в родовые формы (5, с. 37, 40, 42).

С содокладами выступили С.И.Ильясов (на материалах Киргизии) и В.Ф.Шахматов (на примере Казахстана). Оба автора подчеркивали, что источники не сообщают ничего о существовании у кочевников частной собственности на землю. Основой патриархально-феодальных отношений по их мнению являлось владение большими стадами скота, что создавало стимулы для эксплуатации (5, с. 48-49, 51-58). Сходную позицию на сессии занял С.Е.Толыбеков. Он заявил, что в основе производственных отношений у кочевников лежит собственность на скот. При этом скот выступает в роли средства

труда, тогда как земля - лишь предмета труда (5, с. 62-66).

Позиция С.Е.Толыбекова не получила поддержки и была подвергнута обструкции большинством участников сессии. В ее заключительном решении было сказано, что в основе производственных отношений у кочевников, также как и у земледельцев, лежит собственность на землю, ибо без земли невозможно ведение скотоводческого хозяйства (5).

Дискуссия между сторонниками "саунного" и "кочевого" феодализма была продолжена на страницах журнала "Вопросы истории". В середине 1954 г. был напечатан доклад Л.П.Потапова, через полгода критическая статья С.Е.Толыбекова, затем в течение 1955 года высказались другие авторы, а в январском номере журнала за 1956 г. в редакционной статье были подведены итоги обсуждения.

Позиция С.Е.Толыбекова резко противопоставлялась мнению остальных участников дискуссии. По его мнению, во-первых, главное технологическое отличие скотоводства от земледелия состояло в том, что у кочевников труд применяется к животным, а земля выступает лишь в качестве сопутствующего природного условия производства, но не орудия труда (7, с. 81). Во-вторых, расслоение в кочевых обществах выступало по линии владения скотом и, соответственно, частная собственность на скот представлялась С.Е.Толыбекову адекватной феодальной собственности на землю в оседлых обществах (7, с. 76, 80). "Отрицание этого сводит на нет роль скотовладельцев... как эксплуататоров основной массы населения. Конфискация скота у казахских баев в 1928 г. означала по существу экспроприацию у экспроприаторов их основного средства производства" (7, с. 77). А, в-третьих, даже в XIX в. существовало много свободных и никем не занятых земель (7, с. 81-83; критику см.: 6, с. 80).

Все три пункта встретили решительное возражение. "представление о том, что скот у кочевников является одновременно и основным средством производства и целью производства, - писал И.Я. Златкин, - неминуемо ведет к наделению скота некими сверхъестественными качествами" (8, с. 73). "Если же признать скот главным средством производства и основой феодальной собственности, - написало у Л.П.Потапова, - то в таком случае исчезает различие между феодальной собственностью на основные средства производ-

ства и единоличной собственностью непосредственного производителя, основанной на личном труде" (6, с. 85). Соответственно, если собственниками выступали как зажиточные скотоводы, так и простые и бедные кочевники, то по С. Е. Толыбекову получается возможным, заключает И. Я. Златкин "существование в обществе антагонистических классов, даже если они не противопоставлены друг другу как, с одной стороны, обладавшие собственностью на основные средства производства, а с другой, лишенные ее" (8, с. 73).

Столь длинные цитаты приведены здесь только с одной целью, а именно с тем чтобы продемонстрировать отсутствие элементарной логики, надуманность и казуистику в построениях оппонентов С. Е. Толыбекова. Однако для чего и Л. П. Потапов и И. Я. Златкин (критику см.: II, с. 498-503) прибегают к всякого рода ухищрениям в своих работах? Ответ на этот вопрос, по мнению А. И. Фурсова, можно найти в статье Л. П. Потапова, который заявил, что если скот признать основным средством производства, то это неминуемо приведет к "отрицанию общей закономерности феодализма". Таким образом, "решение проблемы о соотношении роли скота и земли в скотоводческом хозяйстве приносило сь з жертву обстоятельству, почерпнутому извне и не имеющему места быть внутри самого решения вопроса" (12, с. 35, 36).

Тем не менее в редакционном заключении дискуссии подчеркивалось, что социально-экономические отношения у кочевников нельзя рассматривать как особенный "кочевой" вариант феодализма. Основной производственных отношений у них также как и у земледельцев выступала частная собственность на землю, которая реализовывалась в специфических формах присвоения феодальной земельной ренты (9). И все же, несмотря даже на такой результат, первую половину 50-х гг. следует рассматривать как начало второй фазы в дискуссии о собственности у кочевников. В последующие годы оппоненты опубликовали большое количество монографических исследований, в которых они с привлечением эмпирических данных, постановкой ряда новых вопросов отстаивали свои убеждения.

Вместе с тем, параллельно с продолжением дискуссии сторонников концепций "ортодоксального" и "саунного" феодализмов с конца 50-х гг. в кочевниковедческой литературе стали появляться работы, в которых показывалась ограниченность подхода к роли в ско-

1 -

товодстве скота и земли как у преверженцов первой, так и второй точки зрения. Нельзя рассматривать скотоводческое хозяйство с предвзятой идеей "одночленного основного средства производства". Ошибочность обеих точек зрения как раз и состоит в том, что и скот и землю следует рассматривать в нерасчлененном единстве. Наиболее четко недостатки обеих концепций собственности у кочевников были разобраны Г.Е.Марковым. По его мнению сама подобная постановка вопроса представляется "надуманной и схоластичной". Скот сам по себе, также как и пастбища в отдельности, не образуют скотоводческого хозяйства. Оба эти явления, плюс приемы переработки продуктов, только в совокупности, в их нерасчлененном единстве образуют процесс скотоводческого производства (13, с.289-290). По этой причине как скот так и пастбища являются одновременно основными средствами производства.

Окончательное наступление второй фазы дискуссии следует связывать с работами С.Е.Толыбекова и Г.Е.Маркова вышедшими в первой половине 70-х гг. Оба автора показали на привлекаемом ими фактическом материале, что сторонники "ортодоксального" КФ для обоснования существования феодальной собственности на землю у кочевников занимались выдираньем подтверждающих их точку зрения цитат из произведений классиков марксизма, тенденциозно подбирали и интерпретировали источники, ссылались на несуществующие факты, экстраполировали данные полученные при изучении обществ периода разложения нomaдизма на более ранние эпохи (особенно см.: 10, с.84, 92, 96, 216, 305, 326, 328, 329, 384, 385, 390-393, 469-471; 13, с.80-87, 290-300). Опираясь на богатый фактический материал, пропустив его "через себя" авторы достаточно убедительно продемонстрировали, что у кочевников отсутствовала **ч а с т н а я** собственность на землю.

Особенности социально-экономического строя кочевых обществ С.Е.Толыбеков и Г.Е.Марков связывали с частной собственностью на скот, являвшейся основой для социальной и имущественной дифференциации. Правда в трактовке последствий вытекающих из частной собственности на скот они полярно расходились. По мнению С.Е.Толыбекова уровень развития кочевников следовало охарактеризовать как "раннефеодальный" либо "патриархально-феодальный", тогда как Г.Е.Марков выступал за признание особого бес-

классового "кочевнического способа производства". Тем не менее по сути сформулированных точек зрения, причем не только на характер отношений собственности, оба автора были близки между собой. Впоследствии такой подход к собственности на средства производства у кочевников был поддержан Е.П.Бунятян, придерживавшейся концепции раннеклассового характера кочевых обществ (14) и Ф.Я.Полянским, выступавшим за существование у кочевников "саунного" варианта КФ (II, с.490-600).

Начало наступления третьей фазы в дискуссии следует связывать со статьей Г.А.Федорова-Давыдова вышедшей в 1976 г. Достаточно убедительная критика существования частной собственности на землю у кочевников привела сторонников КФ к необходимости пересмотреть методологические постулаты ("жесткое ядро исследовательской программы" по И.Лакатосу) своей концепции. Опираясь на мысли высказывавшиеся различными авторами в ходе дискуссий 50-60 гг. об азиатском способе производства, что собственность в добуржуазных обществах принципиально отличалась от собственности капиталистической, Г.А.Федоров-Давыдов высказал мнение "что в вопросе о феодальной собственности на землю (исследователи, отрицающие ее у кочевников, часто говорят о "частной" собственности на землю) допускаются неточности и анахронизмы. Частная собственность на землю достигает расцвета в капиталистическом обществе, когда земля юридически признается отчуждением товаром и собственнику предоставляются полные и единоличные права на земельный участок... следовало бы говорить не о частной, а о феодальной собственности на землю" (15, с.40). Суть феодальной эксплуатации виделась автору в том, что "у бека или хана была масса зависимых от него людей... Эта зависимость является той основой, которая давала ханам возможность получать прибавочный продукт в виде дани, приношений, сбора натурального продукта, управлять перекочевками, привлекать людей подчиненного коллектива к выполнению различных служб" (15, с.44). Если сравнить вышеприведенные отрывки из статьи Г.А.Федорова-Давыдова с положениями из книги Б.Я.Владимирцова цитировавшимися ранее (3, с.811), то налицо практически принципиальное сходство концепций обоих авторов. Впрочем, и сам Г.А.Федоров-Давыдов полагает, что необходимо отказываться от КФ, как и другие исследователи 70-80 гг.

(16, с.306; 17, с.96-97; 62, с.102; 63, с.230; 18, с.8 и др.).

Налицо явное возвращение к осмыслению проблемы собственности на средства производства в рамках парадигмы КЭ в ее первоначальном варианте. Круг замкнулся...

Данная ситуация по существу схожа с проанализированной А.И.Фурсовым историей эволюции концепции "восточного феодализма"^х; что в общем-то вполне естественно, ведь и "кочевой" и "восточный" феодализмы есть близнецы-братья, порожденные одним общим источником - вульгарной интерпретацией марксизма. Такое состояние концепции "восточного феодализма" А.И.Фурсов образно сравнил с королевой из "Алисы в стране чудес", которая вынуждена бежать (не вперед, а во времени!), оставаясь при этом на одном и том же месте (4, с.97).

В чем же видится главная причина циклического, туликовского характера дискуссии о собственности у кочевых? В сведении всех общественных отношений и отношений собственности на средства производства. Впрочем, в развитии научных концепций нет абсолютно полного циклизма, что-то отбрасывается за ненадобностью, что-то приносится новое. Однако все инновации в рассматриваемом случае касаются лишь внешних сторон дискуссии, не затрагивая ее сущностных, глубинных методологических установок. И только пересмотр "жесткого ядра" теории, по моему мнению, способен привести к концептуальному прорыву, постановке проблем общественного строя кочевых обществ на принципиально новый уровень.

^х Пользуюсь случаем поблагодарить здесь А.И.Фурсова, подсказавшего мне идею написания данной работы.

В.Г.Никитин

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОЦЕНКИ В АРХЕОЛОГИИ

(ОБЗОР АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 50-70 гг.)

При археологических исследованиях достаточно обширной площади (территории распространения археологической культуры, археологической провинции) или изучении раскапываемых поселений и жилищ, часто возникает необходимость оценки населения, проживавшего в интересующее нас время, особенно в связи с выявленными в процессе раскопок какими-либо социальными, технологическими или культурными изменениями.

Археологические оценки древнего населения основываются на следующем: 1 - антропологические и другие материалы, полученные при исследовании древних погребений (33-37); 2 - археологические коллекции и коллекции артефактов, относящихся к приготовлению пищи, ее хранению, переработке и потреблению (38-40); 3 - пищевых остатков (41;42); 4 - количество и плотность распространения подъемного материала и особенно керамики (43;44); 5 - особенности архитектуры жилищ, как например пространство под крышей (45-47); 6 - вычисление среднего размера семьи (46; 48).

Рассмотрим подробнее некоторые из этих методов: "керамика - люди" и "популяция-размер=поселение" метод (43;44;49) основывается на двух основных предположениях: 1 - плотность населения по этнографическим и историческим данным и соответствующие современные данные могут быть применены относительно прошлого, 2 - что существует жесткая, определенная связь между плотностью населения и плотностью распространения подъемного материала. Конечно, эти методы в известной степени относительны, так как количество керамических сосудов, используемых одной семьей зависит от ее размеров, изменений в ее составе, продолжительности пользования сосудами и др. (39). Размер семьи может оставаться стабильным, в то время как плотность распространения материала может изменяться от одного слоя "керамика-люди" до другого, вызывая недо-или переоценку. Другие причины включают плотность

слоя, перекрывающего культурный, наличие в площади жилых построек, мусорных куч, включающих кухонные отбросы, а также тот факт, что существуют многослойные памятники. Кроме того, от вспашки (современной) увеличивается площадь распространения материала и изменяется форма памятника (в плане - напр. округлый вытягивается в эллипс). Поэтому, демографические тенденции большинства памятников могут быть скрыты или искажены.

Другой метод вычисления популяции, заключающийся в использовании коэффициента жилищной плотности, т.е. количества крытого пространства на каждого человека, основывается на этнографических данных. Демографические данные получаются путем определения всей крытой площади и затем ее деления на среднюю величину крытого пространства на человека (38;46;47;50). Бейкер и Сандерс (48, с.160) считают, что эта формула может применяться не только к охотникам и собирателям, но сфера ее применения может быть расширена до земледельческих культур и классовых обществ.

Третий метод заключается в вычленении количества хозяйств в одной комнате или жилище, путем выяснения размеров семьи, базирующегося на этнографических и этноисторических аналогиях (48; 51, с.124).

Существует несколько различных точек зрения по поводу проблемы оценки количества обитателей данной площади. Чайлд (52, с.44) например считал, что площадь памятника лишь очень грубо соответствует ареалу популяции. Кук и Треганза (53, с.231-233) соотнесли всю площадь памятника с количеством обитателей и на примере маленького поселения в Калифорнии вывели свою формулу: лог.популяции=константа лог.площади. Кук и Хейзер (45;54) заключили, что окружающая среда и социальные факторы воздействуют на определенные отношения между площадью памятника и популяцией. Кук (38) суммирует методы популяционных оценок, базирующихся на изучении погребений, пищевых остатков, артефактах и обитаемом пространстве (дома, комнаты, города, поселения). Дом находился в центре его внимания как наименьшая неделимая часть и место отправления жизненно важных функций - еды, сна, воспроизведения, воспитания молодежи. Домашнее хозяйство было просто общее количество человек, проживающих в жилище, которые могли быть холостяками, нуклеарной семьей или расширенной семьей. Дом, занятый

двумя или более разными нуклеарными или растирированными семьями, именовался "многосемейным обиталищем". Кук считает, что нормальная нуклеарная семья насчитывает от 4,5 до 6 человек, максимум 7 человек. Стюард (55, с.88) на основе изучения современных и древних популяций Пуэбло, проанализировав 14 поселений выводит среднюю семью Пуэбло в 5,3 человека, Тернер получает среднюю цифру в 5,55 человек. Кук предложил считать среднее число членов нуклеарной семьи в 5 человек. Изучив данные о площади пола в жилищах, приходящихся на одну нуклеарную семью на примерах их Калифорнии, Аляски, севера и юго-запада США: приводит цифры - на севере на одну семью приходилось от $11,11 \text{ м}^2$ до $33,17 \text{ м}^2$ (средняя цифра $20,3 \text{ м}^2$ на семью. На юго-западе США на одну нуклеарную семью приходилось в среднем $21,07 \text{ м}^2$ или по $4,21 \text{ м}^2$ на одного члена семьи.

Наролл на основании изучения 18 обществ в Северной Америке, Южной Америке, Африке, Евразии (кросс-культурный анализ) пришел к выводу, что оценивать популяцию можно исходя из того, что жилища занимают примерно 1/10 часть поселения. Экстраполируя свой метод на жилища, Наролл вычислил среднюю величину площади на человека как 10 м^2 , но впоследствии сам же признал ее ошибочность, а также, что размер популяции не является линейной функцией от величины обитаемой площади (46, с.588). Впрочем пользуясь его методикой и используя его данные, Шахт (56, с.126-28, 129) получил данные для западных штатов в $2,2 \text{ м}^2$ на человека, а для большого поселения Куско даже $0,8 \text{ кв.м}$ площади пола на человека. В тоже время по другим подсчетам, средняя плотность П/Ч является для Куско 10 кв.м . Коло (57, с.593) считает ошибкой Наролла то, что он исследовал только большие поселения и, совершенно справедливо считает, что незачем включать в понятие "вся площадь пола" основания стен, колонн, храмовых платформ, аллей и т.д. Кроме того, Наролл не подразделяет комнаты на категории, такие как кухни, спальни, мастерские, кладовки. В дальнейшем, используя подобную методику Фланнери получил 10 кв.м для Новой Зеландии (58, с.23), а Ле-Блан для Самоа на поселении земледельцев-рабаков от 9 до 13 кв.м . (47, с.210). Однако Ле-Блан впервые для

подсчетов пользуется не площадью пола, а вычисляет среднее количество крытого пространства на человека. Занимаясь этими подсчетами он пришел к выводу, что ни площадь пола, ни площадь крытого пространства, ни площадь окруженная стенами не могут служить истинными доказательствами жизненного пространства.

Сандерс (59, с. 133-36) выполнил демографические подсчеты для ацтеков классического периода, которые базировались в основном на подсчете жилых строений. Он выделяет три фактора - эрозия памятника, разрушение жилых строений и их стабилизация. Причем, получив первоначальные данные - в среднем 10 человек на одно домашнее хозяйство, он вскоре пересмотрел их до 7 человек на одно отдельное хозяйство, или 3,3 человека на нуклеарную семью (59, с. 134).

Натини (60, с. 383-404) использует этнографические материалы и получает средний размер домашнего хозяйства в 5,5-6,5-7,5 человек. Эти этнографо-демографические подсчеты не учитывают проблем миграции внутренней и внешней, плодородия и смертности (61, с. 103). Обобщая этот этап развития демографических оценок в археологии, Хейзер замечает (61, с. 364): вычислять отношение между площадью и популяцией имеет смысл на примитивном первобытном памятнике при относительно однородной среде. Определяя же отношение между размерами памятника и популяцией, необходимо учитывать тип окружающей среды, уровень социокультурной интеграции и технологии развития средств существования и многие другие факторы, в том числе социального и психологического характера человеческого поведения. Демографические модели должны быть соотнесены с исследованиями плодovitости, развитием семейных отношений, смертности так же хорошо, как иммиграция и эмиграция. Однако такие явления с трудом поддаются подсчетам в этнографии и почти невозможны в археологии.

Н.Г.Егоров

К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ФЕОДАЛЬНОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА

Ход дискуссии о докапиталистических общественно-экономических формациях и докапиталистических производственных отношениях известен. В настоящее время эта дискуссия выходит за рамки теоре-

тического спора. Афганистан, события в средней Азии, Армении, в более далекой исторической перспективе - культурная революция в Китае, Кампучия, в конце концов деформации ленинских принципов построения социализма в СССР в 30-40-е годы порождены вульгарным пониманием этих проблем. Ни одна из сторон, участвующих в споре - ни сторонники классической "пятичленной" схемы, ни их оппоненты - не могут одержать окончательной победы. Налицо теоретический тупик. Цель данного сообщения - высказать предположение о причинах, этот тупик породивших.

Несмотря на наличие обширнейшей библиографии, ни одна из работ не может ответить на вопрос: что такое феодальный способ производства? Спор идет о тончайших нюансах проблемы, тогда как сама ее сущность не определена. Автор пытался собрать и проанализировать определения феодализма, данные различными авторами. Отбросив за краткостью содержание этого анализа, позвольте сообщить его итоги, оговорив предварительно следующее: определение любого предмета, явления только тогда отвечает требованиям науки, когда оно, во-первых, раскрывает сущность предмета, явления, во-вторых, служит однозначным индикатором "ДА - НЕТ". То есть, если бы определение феодализма было дано, то, будучи примененное к конкретному историческому обществу, оно давало бы однозначный ответ на вопрос: является ли данное общество феодальным или нет? Существующие же определения или смешивают феодализм с примитивными формами капиталистической земельной ренты, либо с рабовладельческими отношениями.

Следующее определение: "Действительная суть феодальной формы собственности состоит в том, что крестьяне не имеют земли - главного средства сельскохозяйственного производства. Землю они получают от собственника-феодала не в собственность, а в пользование" (76, с. 104) не делает разницы между феодальными и капиталистическими аграрными отношениями. Примером противоположной деформации, при которой не видно разницы между феодальным и рабовладельческим способом производства, может служить известная формула Сталина "Полная собственность на землю при не полной собственности на крепостного". Некорректность существующих определений феодализма и породила, по мнению автора, концепцию единого докапиталистического способа производства.

Под способом производства здесь понимается принцип организации структурной ячейки общества в каждой из трех общественно-экономических формаций. В эту ячейку, в частности, не входит аппарат управления. Его воздействие на ячейку можно уподобить воздействию внешнего стабилизирующего поля.

Вопрос о причинах несовершенства существующих определений требует вспомнить раздел классической теории, являющейся составной частью как политэкономии, так и исторического материализма, — учение о производственных отношениях. В соответствии с этой теорией, существуют три вида таких отношений: отношения собственности, отношения обмена (сделка) и отношения классовые, составляющие суть способа производства. Последние являются высшими по отношению к первым двум. По мнению автора, несовершенство существующих определений феодализма, а следовательно и причины теоретического тупика кроются в том, что авторы определений рассматривали феодальные отношения как отношения первого или второго вида, в то время как они представляют собой более сложную социальную конструкцию. То есть феодальные отношения сводились к отношению "феодал — средство производства (земля)".

По-видимому, мы не станем противоречить теории, если будем трактовать отношения второго вида (сделка) как систему из отношений первого вида (собственность). Действительно, сделка есть результат обмена собственностями между двумя собственниками (рис.2). Продолжив этот логический ряд, мы предположим, что классовые отношения, в свою очередь, построены из более простых отношений первого и второго видов — отношений собственности и отношений обмена. При этом, если в первых и во вторых задействованы только субъекты и объекты собственности, то в более сложном отношении третьего вида будет фигурировать не просто собственность, а собственность на средства производства и на такой специфический предмет, как труд. Следовательно, отношение третьего вида, классовое отношение, составляющее суть способа производства будет представлять систему, в которой три компонента: собственник средств производства (субъект собственности), труженик (субъект труда), и средство производства (объект собственности) будут объединены отношениями первого или второго видов — собственностью и (или) сделкой.

Сколько таких систем может быть построено? То есть, допустив, что нам неизвестен ход мирового исторического процесса, считаем, сколько способов производства возможно. Очень быстро мы должны оговорить следующие условия, специального доказательства не требующие: между собственником и тужеником возможны как собственность, так и сделка; между тем или другим из них и средством производства возможна только собственность; это отношение возможно только между собственником и средствами производств, что вытекает из самой сущности собственности как отчуждения. Тогда мы получим:

А. Способ производства, построенный по принципу "собственность на средство производства + собственность на трудящегося" (рис. 4).

Б. Способ производства, построенный по принципу "собственность на средство производства + собственность на труд, приобретенный через сделку (неравноправную) с трудящимся" (рис. 5)

Возможен третий вариант, на первый взгляд парадоксальный. При нем труженик является собственником средств производства, но сам находится в собственности (рис. 7). Парадоксальность отпадет, если мы предположим, что объектом собственности является не трудящийся, а цельный производственный комплекс, структурная ячейка общества. В абсолютном большинстве случаев это - сельская община. Отчуждению при этом способе производства подвергается не отдельный трудящийся, а община в целом. Если исходить из того, что феодал (равно как и рабовладелец и капиталист) - не конкретное лицо, а юридическое, что феодальным собственником могли быть семья и другая группа людей, храм, вся церковь, государственный аппарат, "азиатский способ производства" представляет собой феодализм с преобладанием государственного аппарата как главного вида феодального собственника, а не отдельную общественно-экономическую формацию.

Таким образом, кроме вышеназванных способов производства А. и Б. возможен и способ производства, характеризующийся собственностью на структурную ячейку общества. Феодальная собственность есть собственность не на землю, а собственность на общину. Попытки построить определение феодализма через собственность на землю таким образом приведут к определению, в котором феодализм

будет в первом случае неотличим от рабовладения, во втором - от капитализма. Ибо и там и там трудящиеся отчуждаются от средств производства, при феодализме же - вместе с ними.

А.Р.Артемов

ОПЫТ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЙ
КУМАРСКОГО ОСТРОГА ПО ОПИСАНИЮ

Кумарский (Комарский) острог - одно из первых укрепленных поселений русских первопроходцев на Амуре.

Согласно сложившимся в отечественной историографии представлениям он был основан Е.П.Хабаровым в 1650 или 1652 году. Сторонниками первого мнения в настоящее время являются А.И.Алексеев и Г.В.Мелихов (19, с.65). Более поздней даты придерживались Р.Маак (20, с.99) и С.В.Бахрушин (21, с.53). Сейчас с ними солидарны В.А.Александров (22, с.25) и авторы примечаний ко второму тому документов по русско-китайским отношениям (23, с.779). Неясна позиция Г.С.Новикова-Даурского, который в своей работе в одном месте относит возведение острога к 1650 г., а в другом - к 1652 г. (24, с.34, 48). Особняком стоит точка зрения В.М. Кабузана, отметившего это событие под 1654 г. (25, с.34).

Более достоверные сведения о Кумарском остроге появляются с 1655 г. Их открывает "Отписка приказного человека Онуфрия Степанова Якутскому воеводе М.С.Лодыженскому об осаде Кумарского острога маньчжурскими войсками", составленная не ранее 4 апреля того года (26, с.205-208). Помимо прочего в ней сообщается время возведения Усть-Комарского острога - начало ноября 1654 г. Поскольку в отписке совсем ничего не говорится о прежнем хабаровском острожке, то надо полагать, что казаки во главе с О.Степановым построили свой острог на новом месте. Очень возможно, что остатки именно этого прежнего укрепления были открыты нами на Верхнекумарском (Лонгторском) утесе, расположенном против устья р.Кумары (Хумархэ) на левом берегу Амура. На этом трапецевидном в плане городище, площадью 0,4 га, со следами валов по периметру и башен по углам были открыты два культурных слоя. Один из них, нижний, содержал туземную, предположительно даурскую керамику, а другой, верхний, блонки ти-

лично русских чернолощенных горшков ХУП в. Надо полагать, что здесь, так же как и в Албазино, Е.П.Хабаров использовал для своих целей уже существовавший городок местного населения.

Естественно, что значительно больший интерес для нас представляет подлинный памятник фортификации русских первопроходцев - новый Кумарский острог.

Единственным, кто видел его остатки в новое время, был русский ботаник и зоолог Р.Маак, совершивший в 1855 г. свое знаменитое путешествие по Амуру. В изданной после этого книге, он отметил, что некоторые следы острога сохранились на острове, в устье р.Кумары, напротив Лонгторского скалистого выступа, но, к сожалению, не описал их. (20, с.99).

Более точное, с топографическими привязками, описание места расположения острога содержится в отписке О.Степанова якутскому воеводе. В ней он сообщил, что 20 марта маньчжуры подступили к острогу из-за Амура "... с камню, а камню высота 40 сажень, а от того камня до острожку полтретьяста сажень" (26, с.206). Несомненно, что этим "каменем" является девяностометровый Верхнекумарский утес. Помножив наиболее вероятное значение величины одной сажени - 2,48 м на 250 сажень и получим 620 м. Эта величина вполне соответствует расстоянию от утеса до острова, расположенного между двух впадающих в Амур рукавов р.Хумарха, где надо полагать и не одиался острог, возведенный казаками поздней осенью 1654 г.

Ныне этот остров является частью суверенной территории Китайской Народной Республики и поэтому в отличие от целого ряда других островов на Верхнем Амуре недоступен для изучения.

К счастью, все в той же отписке О.Степанова содержится довольно подробное описание оборонительных укреплений острога, крепость которых, соединенная с мужеством защитников, позволила выдержать весной 1655 г. осаду десяти тысячного маньчжурского войска. Для удобства анализа приведем его текст полностью: "А острог у нас был поставлен на валу стоячей, а по углам вывожены // были быки, а тот острог ставлен по снегу в самом заморозе ноября в 2 день, а круг того острожку копан ров, а тот ров копали виною, мерзлой земли секли в вышину сажень печатную, а ров в ширину 2 сажени, а круг того рву бит чеснок

деревянной, а круг того чесноку деревянно бит чеснок железной стрельной опотайной... А в остроге было изподней и верхней бою, а внутрь острожной стены засыпали хрящем с нижнево бою и до верху от пушешново бою. И в том остроге копан был у нас колодезь 5-ти сажень, а из колодезя были вывожены жолобы на все 4 стороны, вышины 6 сажень печатных, для зажегу, "а были зделаны на остроге козы железные, а в тех козах закигали смолье для свету и для их богдойского нощново приступу, чтоб от того видети было богдойских людей за стеною, да ставлены были к острогу для их лестниц и щитов судовое дощеничное деревье высокое, да были на острожке кладены кадки для их, богдойских людей, навальнаго приступу да в // острожке срублен был раскат, и с того роскату били мы из пушек по тому богдойскому войску" (26,с.207).

Как видно из описания, Кумарский острог был окружен валом и рвом. Размеры последнего составляли около 5 м в ширину и 2,5 м в глубину. Несомненно, что вся земля, извлеченная из рва, пошла на насыпку вала, высота которого, по-видимому, не превышала 3 м. Вал был усилен стоячим острогом, то есть деревянной стеной из вертикально вкопанных бревен. Высота такого тына в сибирских крепостях, согласно подсчетам Н.П.Крадина, составляла от 3,6 м до 7,2 м (27,с.249, табл.). Поскольку, стена острога имела нижний и верхний бой, то надо полагать, что длина наземной части бревен тына была не менее 4 м. Не совсем понятно сообщение о засыпке хряща, то есть земли и камней, "... внутрь острожной стены... с нижнего бою и до верху от пушешново бою". Обычно хрящем засыпали пустоты рубленых стен в виде городен или тарасов, но о их сооружении ничего не говорится. Подобные срубы-быки, согласно описанию, были возведены только по углам крепости. Ввиду этого мы вынуждены вслед за Н.П.Крадиным (27,с.243) констатировать, что казаки просто укрепили стену земляной насыпью изнутри. Поскольку быки - это, несомненно, срубы, то надо полагать острог имел в плане подчетырехугольную форму. К стенам городка изнутри были приставлены, заготовленные для строительства судов, длинные доски, которые выступали наружу и должны были помешать противнику в случае штурма приставить лестницы. Сходным образом были усилены стены пост-

роенные в 1684 г. Тюменской крепости и Тобольского острога в конце XVI в. (28, с. 13, рис. 2). Вокруг крепостного рва был бит чеснок, представляющий из себя деревянные заостренные колышки, а вокруг него железный, в качестве которого, по справедливому предположению Ф. Ф. Ласковского, в данном случае были использованы стрелы (29, с. 102), видимо, местного населения. Кроме того, в остроге был выкопан колодец глубиной 12,4 м, а от него сделаны желоба на все четыре стороны на случай тушения пожара. На острожных стенах были поставлены железные козы (вид жаровен), в которые, опасаясь приступа, по ночам жгли смолье для освещения пространства перед стенами. Для отражения неприятеля были заготовлены кадки (катки) - бревна, предназначенные для скатывания на противника во время штурма. И, наконец, по-видимому, в центре крепости был срублен раскат - ровная площадка для установки пушек. Единственное сооружение такого рода исследованное В. А. Буровым в Соловецком монастыре представляло собой дощатый помост, уложенный на специальную конструкцию из перекрещивающихся бревен-лежней (30, с. 512). Именно с этого раската, согласно отписке, а также с быков и с нижнего и верхнего боя казаки успешно поражали противника (26, с. 206). Важную роль в защите подступов к городу сыграл чеснок, преодолеть который маньчжуры смогли только накрыв его деревянными щитами (26, с. 207).

Характеризуя уровень обороноспособности Кумарского острога в целом, следует отметить, что, судя по-всему, на конец 1654 - начало 1655 гг. он является едва ли не единственным во всей Сибири дерево-земляным укреплением, приспособленным к отражению пушечного боя. Дело в том, что поиски надежной системы фортификации, способной эффективно противостоять артиллерии, привели в конце XVI в. к появлению в европейской части России укреплений бастионного типа, которые успешно внедрялись на протяжении XVII столетия и в начале XVIII в. стали основными (31). В то же время в Сибири, населенной народами не знавшими огнестрельного оружия, необходимости в таких укреплениях не было. Поэтому развитие оборонного зодчества в Сибири пошло по пути создания простых и экономичных острогов со стенами в виде тына и реже из городней или тарасов. Причем, последние даже не заполнялись, как этого требовали правила фортификации, землей и камнями, а использова-

лись в бытовых целях (28, с. 18). Не были приспособлены к отражению артиллерийского огня и башни сибирских крепостей. Исключение составляло Приамурье, где столкнувшись с вооруженными пушками маньчжурами, русские первопроходцы были вынуждены вернуться к видимо хорошо известным им дерево-земляным укреплениям. Крепости же бастионного типа появились в Восточной Сибири лишь в начале XVIII в. и только на южной границе (32, с. 133-136).

С.В.Березницкий

ТОТЕМНЫЙ ЗВЕРЬ ОРОЧЕЙ - МЕДВЕДЬ

Тотемизм, как одну из форм религиозных верований, впервые в научной литературе рассмотрел английский путешественник Дж. Лонг. Он в 1791 году ввел и термин "тотемизм", который своим происхождением обязан слову "тотем" из языка североамериканских индейцев племени оджибве. В переводе это слово означает "его род". Тотемизм представляет собой "...комплекс верований, мифов, обрядов и обычаев родоплеменного общества, связанных с представлением о фантастическом родстве между определенными группами людей, с одной стороны, и так называемыми тотемами - видами животных и растений (реже явлениями природы и неодушевленными предметами), с другой" (64, с. 358). Образ тотемического зверя у первобытных народов постепенно все более усложняется и приобретает ореол фантастического полуживотного - получеловека, сверхъестественного предка, который, по их воззрениям, не даст своим детям погибнуть от голода, поможет им на охоте или рыбной ловле. Этот образ в сознании людей поддерживался и углублялся различными тотемическими обрядами. Главные мотивы таких обрядов: забота о богатой добыче - главном источнике пищи того времени, о личной безопасности охотника, о возрождении тотема и породнении с ним, выражающемся в ритуальном поедании мяса зверя.

У орочей существовали представления о трех тотемных животных: тигре, медведе и касатке. Из-за небольшого объема сообщения нет возможности осветить пережитки тотемизма касающиеся всех трех зверей. Поэтому целесообразно рассмотреть одного из них - медведя. Самой характерной чертой проявления тотемизма у орочей в отношении медведя является медвежий праздник. Причем

рассматривать будем только первую его разновидность - выслеживание и отстрел медведя на охоте, и ритуальное съедение его мяса. Наиболее подробно этот обряд рассмотрен в трудах и полевых записях В.К.Арсеньева (65, д.10, с.164,199,203,211,212, д.11, с.381, д.27, с.305), И.А.Лопатина (66, с.19-21), и Б.А.Васильева (67, с.78-104). Обобщение этих материалов поможет конкретизировать некоторые вопросы праздника.

У орочей существует множество мифов, в которых говорится о происхождении того или иного рода от определенного тотема. А для всей ороческой народности, да и других народов Приамурья и Сахалина характерен миф о происхождении их от медведя.

Б.А.Васильев отмечал, что праздник добытого на охоте медведя относится к более ранним пластам духовной культуры орочей, чем выращивание зверя в неволе с последующим съедением (67, с.103).

Еще осенью охотник находит залегшего в берлогу медведя, заходит и отмечает особыми знаками это место. Обычно выставлялись вешки от берлоги до ближайшей реки или ручья. В конце зимы охотник выследил медведя, лий зверя брал с собой несколько товарищей и вел их вооруженных кольями, к месту спячки медведя. При сборах на охоту и по дороге запрещалось употреблять в разговоре слово "медведь", и вообще говорить о цели похода. Пережиток данных верований можно выявить и сейчас, изучая духовную культуру коренного населения приморских сел Красный Яр, Дальний Кут - удэгейцев и орочей. Так, охотник, который шел промыслять пушного зверя, скрыл от нашей экспедиции (1988 г.) свои истинные намерения, т.к. разговор этот могли услышать духи, предупредить животных и охотник остался бы без добычи.

Подойдя к берлоге, охотники долго будили медведя, говорили, что ему пора вставать, т.к. пришел срок. Только после полного пробуждения зверя его убивали. Над убитым медведем, отмечал далее Б.А.Васильев, опять произносили речи: охотники просили зверя не обижаться на них, он должен был принять свою смерть с удовольствием, считать ее добрым расположением к себе охотников (67, с.84). Затем привязывали шею медведя к молодой елочке, заранее увешанной ритуальными стружками и разжигали хвою. Процесс снятия медвежьей шкуры очень интересен и заслуживает

особого описания. Охотники клали поперек живота медведя несколько тонких, коротких веточек, которые перерезали ножом. Под этим подразумевалось расстегивание пуговиц на одежде. После этого делали продольный разрез от горла до заднего прохода, который ни в коем случае нельзя задевать ножом. В противном случае дети такого охотника будут всегда болеть расстройством желудка (65, д.27, с.407). Глаза помещали на зарубку дерева (67, с.87).

Если охотник убивал случайно встреченного в тайге медведя, то как бы далеко это не произошло, он обязательно должен принести домой его голову (69, д.10, с.211). Шкуру, из-за ее ценности, тоже старались сохранить и в тайге не бросали.

Разделанную тушу доставляли в стойбище и созывали на предстоящий праздник всех родственников, которые, по наблюдению И.А. Лопатина, называют себя "эму - хала", что значит "один род" (66, с.20). В специальном месте приступали к варке медвежьего мяса. Место это, согласно наблюдениям Б.А.Васильева, было запретным для женщин (67, с.89). Кроме того, при варке мясо нельзя солить, а кости ломать или рубить топором.

Из стариков выбирался распорядитель праздника, как правило самый опытный и уважаемый всеми человек, хорошо знающий обычаи. Он раздавал сварившееся в котле мясо и бульон участникам праздника, угощал их и духа медведя водкой, и все приступали к еде. Однако следует отметить, что женщинам разрешалось есть мясо только с внутренней части задних ног зверя (65, д.11, с.382). И.А.Лопатин подчеркивал, что посуда, применяемая на празднике, была украшена изображениями медведя и являясь ритуальной, в других случаях не использовалась (66, с.21). Откусывать зубами куски мяса запрещалось - их можно было только отрезать ножом.

После того как съедалось мясо охотник, убивший медведя, варил голову. Сварив, он заворачивал голову в шкуру медведя и торжественно вручал распорядителю праздника. Последний срезал с головы куски мяса и угощал гостей. После того, как все гости попробовали угощенья, распорядитель удалял остатки мяса с головы и с рычанием, имитирующем рев медведя, рывком передавал череп в руки хозяина дома. Далее В.К.Арсеньев указывал, что в этот момент они оба обязательно должны стоять на одном колене (65, д.10, с.212). Хозяин, осторожно прорубив череп в районе те-

мени, угощал самых старых гостей головным мозгом.

Если на пиру присутствовал охотник, который еще не убил своего медведя, то ему не разрешали есть медвежьи лапы, т.к. в таком случае, при встрече с медведем его ноги сведут судороги. По данным В.К.Арсеньева, молодым охотникам также запрещалось употреблять в пищу мозг и язык медведя (65, д.10, с.212).

По особому орочи относились и к половым органам медведей, которые никогда не выбрасывались при разделке туши. Что касается полового члена самца, то на празднике его могли есть только старики. Внутреннюю кость члена дарили женщинам, т.к. считалось, что такой амулет исцеляет от бесплодия.

Праздник продолжался 3-4 дня - до тех пор, пока хватало продуктов. После этого приступали к торжественным похоронам костей и черепа медведя. Кости зверя складывали в дупло дерева, бросали в реку или помещали в специально изготовленный сруб. В.К.Арсеньев обнаружил возле селения Датта шесть таких срубов и столько же медвежьих черепов (65, д.10, с.203). Череп коптили над костром, через отверстие в темени внутрь складывали кашу, ягоды и стружки. Делалось это для того, чтобы медведь мог возродиться, а данные предметы заменяли его мозг (67, с.74). Затем череп вешали на жердь или на сучок дерева, специально выбранного для этой цели, прикрывали ветками и травой, которые имитировали кожу и шерсть зверя. Провожая душу зверя к хозяину медведей, орочи просили ее вернуться в тайгу живым медведем, чтобы снова с ним породниться.

Подводя итог следует отметить, что до сих пор описания системы тотемических воззрений орочей нет. Долгое время орочей путали с удегейцами и ульчами. Дореволюционные исследователи, по разным причинам, мало внимания уделяли анализу своих наблюдений. Исследователи советского времени лишились возможности визуального наблюдения тотемических обрядов. Это свидетельствует о трудности, но в тоже время и актуальности исследования духовной культуры орочей. Проводить такую - либо параллель между ороческими захоронениями остатков медведя и медвежьими костями, найденными в ящике из плит известняка в пещере Драхенлох в Швейцарии, и тем самым отодвигать временные рамки медвежьего праздника в эпоху устья (100-25 тыс. лет назад) накопленный научкой мате-

риал пока не позволяет, но последующие исследования в этой области вполне могут дать такую возможность.

Горшкова И.С.

УКРАШЕНИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

До сих пор изучению украшений как исторического источника уделялось относительно мало внимания. Имеющиеся работы в этом плане представляют собой либо классификации, как правило, одной функциональной группы (бус, браслетов и т.д.) и обычно относящихся к определенному, в основном, античному и средневековому времени, либо простое описание украшений одного памятника или культуры. При таком подходе к этой категории находок, которая является отражением не только материальной, но и духовной культуры, трудно получить дополнительную информацию о жизни древних людей.

Надо отметить, что с самых ранних ступеней развития человечества украшения играли немаловажную роль. Основной смысл украшения — выделить человека, подчеркнуть его особенность по отношению к другим. Цель же, для которой человек себя выделяет, может быть различна. Это, прежде всего, для брачных отношений: выделиться, чтобы быть выбранным (у первобытных племен одним из основных атрибутов любовной магии являлось украшение). Во-вторых, выделиться, чтобы подчеркнуть свое особое положение в обществе (лучший охотник, старейшина рода и т.д.). И, наконец, выделиться, чтобы избежать несчастий, быть избранным перед добрыми и злыми силами (украшения-обереги). Все эти значения украшений в несколько измененном, более развитом виде дошли и до наших дней. Необходимо заметить, что часто одно украшение может нести две, а то и три смысловые нагрузки, особенно в первобытном обществе.

Украшения могут носиться непосредственно на теле и нашиваться на одежду. Общеизвестно, что многие племена, обитавшие в теплых странах, зачастую ходили голыми, но всячески украшали себя. Это может служить подтверждением того, что украшениями люди начали пользоваться раньше, чем одеждой, а с ее появлением стали часть украшений нашивать. Не всегда можно выделить среди археологических украшений те, которые нашивались, но порой по свое-

образным залоченностям на самом украшении, по его местонахождению и по положению относительно других украшений это удастся сделать.

Особенность украшений в том, что они в большей степени, чем другие категории находок, связаны непосредственно с человеком; они им носились, находились, как правило, на нем, ценились и береглись (особенно в первобытном обществе, когда не было их массового производства) больше других вещей. Это является одной из причин малочисленности их находок на памятниках. Нужны были какие-то экстремальные условия, чтобы в большом количестве украшения были брошены на поселении. С другой стороны, благодаря этому свойству украшений неотступно сопутствовать человеку, причем конкретному человеку, по расположению и по состоянию украшений можно, в какой-то мере, восстановить некоторые стороны жизни, а порой и картину гибели жилища.

Систематизация и тщательное изучение комплекса украшений дает возможность сопоставления с комплексами украшений других памятников. Для создания такой систематизации была использована несколько измененная система, разработанная Ю.Л.Щаповой, основанная на том, что в эволюционном процессе любой вещи меняется материал, номенклатура, технология, форма, декор, причем на различных этапах что-либо одно является доминирующим¹. Можно предположить следующую систему описания украшений. Причем в каменном веке доминировать будет материал, поскольку от него зависела форма, номенклатура и пр. Позднее, начиная с железного века, большее значение приобретает назначение украшения, т.е. функции подчинены материал, форма и т.д., следовательно, систематизация будет начинаться с номенклатуры.

Материал: природный (камень, кость, раковина и т.д.), искусственный (стекло, металл и т.д.).

Номенклатура (бусы, подвески, серьги и т.д.).

Технология: 1 - приспособление для ношения естественной формы сырья, 2 - незначительное изменение естественной формы сырья,

¹ Из лекций Щаповой Ю.Л., прочитанных в Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР.

3 - полное изменение изначальной формы сырья и создание новой, оригинальной, использование для этого соответствующей технологии.

Форма.

Декор (резьба, роспись и т.д.).

Данный подход к дифференциации украшений был применен при обработке материала пещеры Чертовы Ворота, была использована следующая система.

Категории. Различаются по сырью: 1 - изделия из раковин, 2 - изделия из кости, 3 - изделия из камня. Можно предположить использование и других, не дошедших до нашего времени, материалов, например, дерева, перьев, орехов, ягод и т.д.

Группы. Различаются функционально: 1 - подвески-нашивки, 2 - бусы, 3 - кольца-браслеты, 4 - серьги. В большинстве случаев трудно определить подвешивалось или нашивалось изделие, поэтому подвески и нашивки не объединялись в одну группу, лишь когда было возможно указать на предполагаемое их нашивание либо подвешивание. Бусы от подвесок принято отличать по месту расположения отверстия: у бус оно проходит через центр тяжести тела и обычно совпадает с какой-либо осью симметрии. Браслеты и кольца также объединены в одну группу, поскольку трудно порой говорить о функции подобных украшений.

Виды. Различаются по степени обработанности материала с учетом технологии изготовления: 1 - естественная форма материала приспособлялась для ношения - проделывалось отверстие; 2 - естественная форма материала подвергалась незначительной обработке, направленной на изменение либо размерных показателей, либо внешних признаков, но без существенных изменений естественной формы; 3 - специальное изготовление изделий оригинальных форм, включающее ряд технологических приемов и способов оформления, полностью изменявших естественную форму сырьевых заготовок.

Типы. Различаются по форме изделия.

Подтипы. Различаются по деталям формы.

Для характеристики украшений немаловажна техника изготовления. Она сводилась к ряду операций, связанных с первичной обработкой по приданию сырьевым заготовкам определенной формы или

ливанием, обточкой, резанием; проделыванию отверстия; окончательной обработке поверхностей шлифованием, полированием, окрашиванием.

Последовательность этих операций не всегда одинакова. В тех случаях, когда украшение полностью сохраняло природную форму материала, процесс изготовления сводился, как правило, лишь к проделыванию отверстия, либо к незначительной обработке поверхности. Иногда после изготовления отверстия вещь шлифовалась и полировалась. В тех случаях, когда технология включала все операции, последовательность их, в основном, такова: придание материалу нужной формы путем пиления, отески, оббивки; проделывание отверстия; окончательная, чистовая отделка поверхностей шлифованием и полированием. Надо отметить, что порой сверлению отверстия предшествует подшлифовка поверхности в месте сверления, иногда вся поверхность подшлифовывалась перед сверлением, но после сверления производилась окончательная обработка поверхности.

Специфика украшений заключается в том, что они укрепляются либо на теле человека, либо на одежде и как правило, для этого укрепления на украшении проделывалось отверстие. Поэтому в технологии изготовления украшений ведущее место занимает способ проделывания отверстий и, в частности, техника сверления. Для палеолита и неолита характерна коническое (или биконическое) сверление, в основном, при помощи каменных сверл двух типов: зенкера и развертки. В развитом неолите стали использовать развертки в виде узкого остроконечника или стерженька при работе сначала по мягкому материалу (пример, костяные бусины с винтообразной нарезкой пещеры Чертовы Ворота), а затем и по камню, при этом получались цилиндрические каналы. Для получения цилиндрических отверстий в финальном неолите использовали и полое сверление при помощи трубчатого сверла с абразивной подсыпкой (68, с.102).

До появления железных сверл и сверлильных станков, процесс изготовления украшений был довольно трудоемким. Украшения одного типа изготавливали в небольших количествах, порой в единственном экземпляре. Несли подолгу, воспроизводство украшений велось значительно реже, чем керамики и инвентария. Отсюда

большее разнообразие в формах, функциях, материале и т.д. при небольшом количестве предметов. Если еще учесть, что далеко не все украшения дошли до нашего времени, то ясно какую разнообразную картину представляют украшения вплоть до железного века. С появлением металлических сверл и сверлильных станков появляется возможность изготовления одинаковых украшений большими сериями, а имущественная и социальная дифференциация приводит к тому, что одинаковые по форме вещи изготавливают из разных материалов.

На украшениях из раковин, помимо сверления, отверстия проделывали при помощи протирания, пробивания (пример - подвески из раковин поселения Чертовы Ворота), процарапывания и прогиливания (68, с.96). Кольца изготавливались резанием либо по шаблону, либо циркульным способом (68, с.104).

В зависимости от уровня техники находилась форма украшений. Так использование конического сверления требовало небольшой толщины изделия. Этим объясняется использование в палеолите и неолите в качестве украшений различных подвесок и бус либо плоских (округлых и неправильной формы), либо бочонковидных. Лишь с появлением цилиндрического сверления появляются сначала цилиндрические, круглые, т.е. близкие к естественным, а затем и более сложные формы. Надо отметить, что развитие формы украшений шло от естественной, через подражание естественной к созданию оригинальной формы.

Что же может дать изучение украшений для реконструкции жизни древних людей? прежде всего, изучая украшения (формы, технику изготовления и т.д.) можно делать предварительные выводы о времени существования памятника. Комплекс украшений памятника может свидетельствовать о его оригинальности, либо сходстве (близком или отдаленном) с другими памятниками. Если степень сходства велика, можно говорить о родственности и одновременности памятников. Если сходство наблюдается по отдельным вещам, то можно говорить о прямых или опосредованных связях с другими памятниками и территориями. Изучение сырья, из которого изготовлено украшение, помогает решить вопрос о местном производстве, либо импорте. По наличию на поселении заготовок и брака можно говорить о местном производстве. Далее, если поселение

погибло внезапно, то по количеству украшений, качеству и разнообразию можно говорить об уровне жизни на этом поселении, поскольку для украшения нужно свободное время и определенные возможности.

Помимо основных выводов, можно делать и частные предположения. Так изучение украшений на поселении Чертовы Ворота, в частности, их расположение, показало, что у жилища крыша располагалась под углом и была присыпана довольно толстым слоем земли; что в жилище украшения изготавливали сидя возле очага, а в юго-западной части жилища в момент пожара лежала одежда, на которую были нашиты подвески. По расположению украшений и по степени подверженности их огню удалось восстановить картину пожара и гибели людей.

Как видим, всестороннее изучение украшений, как исторического источника, существенно дополняет наши представления о жизни древних людей.

М.Г.Штуцев

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ ШЛИФОВАННЫХ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ПОСЕЛЕНИЙ
ЯНКОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ СЛАВЯНКА-1 И СЛАВЯНКА - 2¹

Поселения Славянка-1 и Славянка-2 являются одними из наиболее глубоко изученных памятников янковской культуры и выделяются большим количеством и разнообразием шлифованных каменных орудий, классификации которых посвящена предлагаемая работа.

Первоначальная классификация орудий этих памятников была проведена Ж.В.Андреевой и И.С.Жутиховской (69, с.4-8), впоследствии она была дополнена и детализирована Н.А.Кононенко (70, с.63-67, 138-140). Эта последняя классификация производилась по схеме "класс-группа-тип", где класс определялся исходным материалом (железо, камень, и т.д.), группа представляла собой функциональную группу, т.е. группу функциональных типов, а собственно тип являлся, по существу, формо-типом. Варианты типов либо не выделялись, либо выделялись в отдельный формо-тип.

В настоящей работе автор предлагает свой вариант классификации, проведенный по следующей схеме - класс, как группа орудий, выполненных из определенного рода материала (в данном

¹ Материал взят единым комплексом по причине его полной идентификации (70, с.25)

случае - камень); категория, как функциональная группа внутри себя подразделяется на функциональные типы и формо-типы, которые могут частично или полностью совмещаться, либо выделяться один внутри другого; внутри каждого вида типов возможно выделение вариантов типов. В отдельных случаях функциональная группа является одновременно и функциональным типом (кинжалы), дальнейшая классификация в этом случае осуществляется только по формо-типу.

С целью выделения более полного числа признаков при классификации была использована информация о минералогическом составе исходного сырья для всех исследуемых орудий (определение пород и обработка данных петрографического анализа проведены геологом ПГО "Приморгеология" М.Д.Рязанцевой).

Все исследуемые орудия относятся к одному классу - шлифованных каменных орудий, который разделяется на 1 категории: рубящих, метательных, колющих и режущих орудий. Категория рубящих орудий представлена 25-ю целыми артефактами и 28-ю обломками (автор учитывает только те предметы, которые были использованы для данного исследования, их количество не всегда совпадает с данными, опубликованными ранее), она включает в себя 5 функциональных типов.

Тип 1 - топоры - представлен 2-мя целыми орудиями и 3-мя фрагментами. Отличительными признаками этого типа являются симметричная заточка, хорошее качество шлифовки всего орудия, размерные соотношения - длина 12-13 см при ширине 5-5,5 см и толщине 2,5-3 см. Все топоры изготовлены из плотных, вязких пород изверженного происхождения или слабоизмененных изверженных пород, что обеспечивает этому типу орудий большую прочность и долговечность. Внутри этого типа возможно выделение 2-х формо-типов - топоров подпрямоугольной формы с прямоугольным сечением и трапецевидной формы с овальным сечением.

Тип 2 - топоры "черновой обработки" - представлен 5-ю целыми орудиями и 2-мя фрагментами. Орудия изготовлены из вторично измененных пород, реже (1 экз.) из изверженных. Свойства материала придают орудиям этого типа значительную прочность. Характерным признаком является короткая шлифовка поверхности. Размерные соотношения - длина 13-34 см при ширине 5,5-8,5 см и

толщине 2-2,7 см.

Тип 3 - тесла "чистовой обработки" - представлены 10-ю целыми орудиями и 10-ю фрагментами. Около 50% орудий этого типа изготовлено из прочных, но хрупких, кремнистых либо вторично измененных пород, остальные из мягких пород типа песчаников и кварц-хлоритовых сланцев. Наблюдается тенденция к улучшению качества шлифовки в зависимости от возрастания прочности породы. Размерные соотношения - длина 11,5-15,5 см при ширине 4,5-7 см и толщине 1-2 см. Выделяется самостоятельный формо-тип - плечиковое тесло.

Тип 4 - тесла "отделочные" - представлен 4-мя целыми орудиями и 10-ю фрагментами. Почти все они (за исключением 2-х орудий) изготовлены из кремнистых либо окремненных, реже изверженных пород. Зависимость качества шлифовки от прочности породы та же, что и у предыдущего типа, но прослеживается еще более ярко. Размерные соотношения - длина 9-10,5 см при ширине 3,5-4,6 см и толщине 1-1,3 см.

При выделении всех типов тесел основными признаками считались размерные соотношения и качественный состав сырья. Заточка тесел всех типов - ассиметричная.

Тип 5 - долота - представлен 4-мя орудиями и подразделяется внутри себя на 2 формо-типа по характеру сечения - прямоугольному (3 экз.) либо округлому (1 экз.). Из прочных измененных пород изготовлено 50% орудий. Отношение качества шлифовки к составу породы то же, что и у тесел. Тип выделяется по размерным соотношениям - длина 9,5-20,7 см при ширине 1,4-2,2 см и толщине 1,2-2,2 см. Округлое в сечении долото имеет симметричную заточку, остальные - ассиметричную.

Из выше рассмотренной категории выделяются 3 крупных, массивных, сильно поврежденных орудия, выполненные из непрочных сланцевых пород. По размерным показателям они близки к топорам или теслам "черновой обработки", но не могли являться таковыми по причине малой твердости породы. Видимо, эти орудия были изготовлены в качестве временных "разовых" орудий, по необходимости.

Категория метательных орудий включает 4 функционально-морфологических типа: наконечники стрел, копий, дротиков и гарпунов.

Тип I - наконечники стрел - представлен 8-ю целыми орудиями и 31-м фрагментом. Он разделяется на 2 формо-типа: черешковый

и безчерешковый. Черешковый морфологический тип представлен 5-ю целыми орудиями и 5-ю фрагментами. Размерные соотношения - длина 6,5-11,5 см при ширине пера 0,7-1,1 см. Изготовлены из андезитобазальта. Форма пера удлинненно-листовидная, сечение ромбическое. Черешок оформлен уплощающей заточкой и сужением формы. К этому формо-типу относятся 4 фрагмента наконечников стрел из глинистого сланца. В качестве варианта выделяется I поврежденный наконечник из кремнисто-глинистого сланца. Он значительно короче основного типа, черешок оформлен уплощающей заточкой и слабо выраженными плечиками. Уплощающая заточка продолжается по всей длине орудия, что делает его сечение шести-гранным. Форма пера - удлинненно-треугольная. Безчерешковый морфологический тип представлен 3-мя целыми орудиями и 26-ю обломками. Разделяется на 2 варианта. К первому варианту относятся орудия с многогранным сечением, вследствие применения уплощающей заточки (2 целых, 21 фрагмент), изготовленные из кремнисто-глинистого и глинистого сланцев, с удлинненно-листовидной или удлинненно-треугольной формой пера. Размерные соотношения - длина 5,3 см при ширине пера 1-1,3 см. Ко второму варианту (1 целый наконечник, 5 фрагментов) относятся орудия с плоско-овальным сечением. Форма пера - листовидная, удлинненно-листовидная, удлинненно-треугольная. Изготовлены из глинистого сланца. Размеры целого орудия - длина 3,3 см при ширине пера 1,5 см.

Тип 2 - наконечники копий - представлен 11-ю экземплярами, характеризуется наличием черешка, удлинненно-треугольной или удлинненно-листовидной формой пера, хорошим качеством шлифовки всей поверхности орудия (исключение - I экз.). Разделяется на 2 формо-типа по форме сечения. Первый морфологический тип представлен 7-ю орудиями с многогранным сечением, изготовленными из кремнисто-глинистого сланца (6 экз.) и гравиллита (1 экз.). Размерные соотношения - длина 10,6-14 см при длине пера 8,5-9,5 см и ширине пера 2,9-3,5 см. Второй морфологический тип представлен 4-мя орудиями с плоскоовальным сечением, изготовленными из глинистого (3 экз.) и кремнисто-глинистого (1 экз.) сланцев. Размерные соотношения - длина 13,7-16,3 см при длине пера 10,5-11,5 см и ширине пера 3,7-4,3 см. В качестве варианта выделяется наконечник с отверстиями.

Тип 3 - наконечники дротиков - представлен 6-ю экземплярами, характеризуется размерными соотношениями - длина 8,3-11,5 см при длине пера 5-7,5 см и ширине пера 2,8-3,6 см. Разделяется на 2 формо-типа: черешковый и безчерешковый. К первому формо-типу относятся 5 наконечников; 4 из них, изготовленные из кремнисто-глинистого и глинистого сланцев, имеют многогранное сечение, 5-й, из кварцевослюдистого сланца - плоское и выделяется в качестве варианта. Ко второму формо-типу относится наконечник из алевролита, перо которого отделено от основания двумя боковыми выемками. В целом для типа четко прослеживается тенденция к улучшению качества шлифовки с возрастанием прочности материала.

Тип 4 - наконечники гарпунов - представлен 3-мя экземплярами, характеризуется подтреугольной формой, плоско-овальным, приближающимся к шестигранному сечением, изготовлением из кремнисто-глинистого сланца. Каждое орудие имеет по 2 отверстия; в 2-х случаях по горизонтальной оси в передней части орудия, в 1-м по вертикальной оси в тыльной части. Возможно выделение вариантов по этому признаку. Размеры: длина 7,7-12 см, ширина, 4,7-6,5 см.

Категория режущих орудий включает 3 функциональных типа: жатвенные ножи, разделочные ножи и стамески. Ножи разделены по функциям согласно трассологическим определениям Н.А.Кононенко (70, с.66).

Тип I - жатвенные ножи - согласно опубликованным материалам, представлен 5-ю экземплярами и разделяется на 2 формо-типа: четырехугольные ножи со скругленными углами (3 экз.) и полукруглые (2 экз.). (70, с.66).

Тип 2 - разделочные ножи - представлен 13-ю экземплярами и разделяется на 2 формо-типа: с симметричным и ассиметричным клинком. Первый формо-тип представлен тремя орудиями с выделением двух вариантов: с хорошо выделенной (2 экз.) и слабо выделенной (1 экз.) рукоятью. Второй формо-тип представлен 8-ю орудиями с выделением трех вариантов: с резко ассиметричным лезвием (3 экз.), со слабо ассиметричным лезвием (5 экз.), со слабо ассиметричным лезвием и хорошо оформленной рукоятью (2 экз.). Для типа в целом характерна слабая шлифовка. В орудиях

длина 12,3-20,5 см при длине лезвия 4,7-13 см и ширине лезвия 2,8-6,7 см.

Тип 3 - стамески - представлен двумя экземплярами. Орудия изготовлены из слабокремнистого алевролита, заточка ассиметричная, шлифовка слабая. Размеры: длина 6,1-7,7 см при ширине 1,2-1,7 см и толщине 0,75-0,9 см.

Категория колющих орудий состоит из единственного функционального типа - кинжалов - представленного 6-ю экземплярами, который разделяется на три формо-типа: с утолщенной рукоятью без перекрестия, с Т-образным навершием и намечающимся перекрестием, с намечающимся навершием и перекрестием. Орудия, в большинстве случаев, изготовлены из сланцевых пород, отличаются хорошим качеством шлифовки. Размеры: длина 21,7-26,8 см при длине клинка 12,5-16 см и ширине клинка 3,8-5,2 см.

Такая группа орудий, как клинки, не классифицировалась по причине отсутствия данных о их функциональном назначении.

Предложенная классификация обладает достаточной гибкостью, для работы с каменным инвентарем любого памятника янковской культуры, при вводе незначительных изменений и дополнений.

В.В.Толстоногова

АНАЛИЗ МОЛЛЮСКОВ С ПОСЕЛЕНИЯ ПЕСЧАНЫЙ I

Одним из аспектов реализации программы по изучению проблем освоения прибрежной зоны были раскопки поселения Песчаный I в Приморье, ранее исследовавшегося А.П.Окладниковым. Цель современных раскопок заключалась в получении новых и переосмыслении старых данных. Одной из задач было выяснение сезонности, скорости и динамики формирования раковинных отложений. Методика раскопок состояла из послойного вскрытия отложений с последующей флотацией культурного слоя и промывкой тяжелой фракции через систему сит с ячейками 5;3;1 мм. Промывка позволяла выделять из культурного слоя мелкие артефакты и экофакты.

Объектом исследования являлась раковинная куча, заполнявшая котлован заброшенного жилища янковской культуры. Жилище расположено около жилищ № I и № 5, исследованных А.П.Окладниковым в 1966 г. В результате работ прослежено пять горизонт обитания,

сформировавшихся после гибели жилища. Стратиграфия каждого горизон-та обитания однотипна:

- прослойка желтого суглинка (мощность 3-5 см), сформировавшегося в результате оплыва с борта жилища;
- прослойка, насыщенная карбонизированными остатками (мощность 1-3 см);
- прослойка раковин - непосредственно раковинная куча (мощность от 3 до 30 см), содержащая кости млекопитающих, птиц, домашних животных, рыб, отоолиты, чешую, позвонки рыб, раковины морских и наземных моллюсков. (Рис.12).

Следующей задачей исследования было выяснение роли промысла моллюсков в системе жизнеобеспечения, для чего были предприняты статистический и популяционный анализы, проведенные на материале трех квадратов с наибольшей мощностью отложений. Популяционный анализ проводился под методическим руководством В.А.Ракова. Результаты получены по трем верхним прослойкам раковин. Выяснено, что численность видов двустворчатых моллюсков возрастает со временем. (Рис.12). Если для третьей (нижней) прослойки характерно 12 видов, то для второй - 18 видов, а первой (верхней) - 19 видов двустворчатых моллюсков.

Проведена статистическая обработка обширной выборки данных по размерному составу верхних створок раковин. Для третьей прослойки выборка составила 144 экземпляра, для второй прослойки - 189 экземпляров, для первой прослойки - 1246 экземпляров верхних створок. Анализируя размерный состав получили следующие результаты:

- третья прослойка - доминируют устрицы (30%) высотой 85-95 мм;
- вторая прослойка - доминируют устрицы (20%) высотой 85-95 мм;
- первая прослойка - доминируют устрицы (26%) высотой 60-75 мм. (Рис.13).

Моллюски могут стать надежным источником информации для выяснения сезонности каждой прослойки. Была предпринята попытка определить сезонность по трем видам гребешков:

Выборка по трем прослойкам составила 14 экземпляров верхних створок. Определения А.В.Силиной показывают, что сезон вылова ограничен летним периодом (максимум вылова приходится на июль-

август).

Обобщая полученные результаты, можно предположить, что роль моллюсков в системе жизнеобеспечения возрастает. Вероятно это связано с нехваткой альтернативных ресурсов. Об этом свидетельствует уменьшение средних размеров устриц и одновременное увеличение их в количественном отношении, а также увеличение разнообразия моллюсков. О сезонности формирования раковинных отложений мы можем судить по данным полученным только по гребешкам, согласно которым промысел происходил в летний период. Однако, это не исключает возможности накопления раковинных отложений в зимнее время.

Н.А.Клюев, В.Е.Ермаков

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА В ПРИМОРЬЕ (по материалам исследований 1988 г.)

Одной из актуальных задач приморской археологии является оперативный ввод в научный оборот новых источников. В 70-80-е гг. значительно выросло количество специалистов, занимающихся изучением проблем археологии региона, число исследуемых памятников. Так, целая группа археологов занимается изучением культур железного века Приморья (Ж.В.Андреева, Д.Л.Бродянский, Л.С.Жутиховская, Ю.Е.Вострецов и др.). Многие вопросы остродискуссионны: проблемы генезиса культур, их корреляции, временных и пространственных границ и др. В этой связи, представляется важным, осветить в настоящем сообщении итоги разведочных работ 1988 г. в Приморье, в результате которых был найден и обследован ряд интересных археологических памятников, относящихся к различным этапам железного века.

Исследования проводились в трех районах Приморского края - Яковлевском, Красноармейском и Ханкайском. В первых двух из них археологические работы только разворачиваются. Более изученным считается Ханкайский район (работы А.Н.Окладникова, В.А.Татарникова, А.Д.Ивлиева, Ю.Е.Вострецова и др.). Районы различаются по своему географическому положению и, отчасти, ландшафту, однако, на их территории были найдены памятники, имеющие археологический материал.

Одним из интересных археологических памятников, обнаруженных в Яковлевском районе, является поселение Бельцово-6. Памятник располагается в 1,5 км к северу от с.Бельцово на левом берегу ручья Беспамятного, впадающего в р.Арсеньевку. Поселение занимает площадь небольшой релки (45 х 40 м, высота ее до трех метров). В 400 м к юго-востоку от памятника на вершине высокой скалистой сопки находится поселение Бельцово-2, обследованное в 1987 г. В.Э.Шавкуновым и одним из авторов (75, л.14). Внешних признаков поселения Бельцово-6 не имеет. Нарушений культурного слоя не обнаружено. Площадь памятника составляет около 1500 кв.м.

При шурфовке выяснилась стратиграфия памятника. Сверху шел дерн (до 15 см), снизу лежал слой темно-серой гумусированной супеси (20-30 см), подстилал его слой серо-желтого суглинка (5-10 см). Материком являлся плотный суглинок грязно-желтого цвета с галькой (Рис.8, I).

На поселении была получена небольшая археологическая коллекция (16 фрагментов керамики и I галечный отщеп), однако, она позволяет судить о культурной принадлежности памятника. Основная масса керамики изготовлена в единой традиции: отмечены в тесте крупнозернистые минеральные примеси, поверхность черепков обработана небрежно, они массивные, толщиной до 1 см. Вся керамика лепная. Найдено 4 фрагмента от стенок сосудов с орнаментом, представленным оттисками пальцев (I экз.) и штамповыми ромбическими вдавлениями (3 экз.). Кроме этого, было обнаружено 3 фрагмента верхней части горшковидного сосуда с хорошо выделенной горловиной. Внешний край венчика этого сосуда, а также место соединения горловины и тулова украшены наlepным валиком (Рис.8, II, I). Сосуд выделяется от основной массы керамики, найденной на поселении, более тщательной выделкой. Толщина его стенок не превышает 0,5 см.

Керамический материал поселения Бельцово-6 имеет сходство с материалом памятников ольгинской культуры железного века Приморья. Следует отметить тот факт, что расположенное недалеко от этого памятника поселение Бельцово-2 дало аналогичный материал в том же слое (75, л.16). В дальнейшем (после стационарных раскопок) интересно проанализировать и сравнить комплексы этих памятников. Вполне возможно, что в данном случае мы имеем ситуацию,

аналогичную с поселением Синие Скалы, которое, как считает Ж.В. Андреева, является парным (71, с. 145).

В Красноармейском районе Приморского края было начато сплошное обследование будущей зоны затопления Дальнереченского гидроэнергокомплекса на р. Большая Уссурка. Несомненный научный интерес представляет обнаруженное в итоге разведки поселение Дальний Кут-3. Это второй по величине в Приморье памятник ольгинской культуры. Его площадь составляет около 22000 кв. м. Поселение располагается в 800 м к востоку от с. Дальний Кут. Находится оно в седловине между двумя сопками. На его площади зафиксировано 78 западин, видимо, от древних жилищ. Западины сконцентрированы в три группы: юго-западную, состоящую из 27 западин, центральную - из 12 и северо-восточную - из 39. Между этими группами расстояние не превышает 30-40 м. Большинство западин имеет круглую форму (64) и только 14 из них - овальные в плане. Средний диаметр круглых западин - 3-4 м. У овальных западин также размеры варьируют: от 2,5 X 1,5 м. до 10 X 2,5 м. Глубина западин достигает 0,5 м. В нескольких случаях отмечено наложение границ соседних западин.

Культурный слой на поселении представлял собой серую гумусированную супесь (30-45 см), в которой встречались углистые прослойки. Ниже супеси лежал материк - темно-рыжий глотный суглинок с щебнем (Рис. 9, I).

Археологический материал включал в себя фрагменты керамики (57 экз.), небольшие обломки сырья для изготовления украшений (зеленая яшма) и обломок сегментовидного куранта.

Основная масса керамики однородна по своим технологическим признакам. Вся она лепная и почти вся толстостенная. Поверхности черепков обмазана тонким слоем глины, но не лощена. В тесте присутствуют примеси крупнозернистого песка. Обжиг проводился в окислительной среде. Найдено 4 обломка верхних частей сосудов и 2 обломка плоских доньшек. Обнаружены венчики от двух сосудов. Первый сосуд имел широкий блюдовидный венчик, второй - короткую шейку и оттогнутый наружу венчик (рис. 9, II, 1-2). 21 фрагмент керамики украшен орнаментом. Можно отметить композиции из пальцевых и ногтевых вдавлений. Встречается волнистый налепной валик. Есть фрагменты с отисками ромбического штампа (ва-

фельный узор), с оттисками квадратного штампа. Верхняя часть горшков украшалась также параллельными желобками (Рис.9,П,3).

3 фрагмента от одного сосуда выделяются по своей технологии изготовления. Сосуд был тонкостенным, он более тщательной выделки, чем остальная керамика. Горшок был украшен орнаментом в виде многорядового штампа с квадратными зубцами (рис.9,П,4).

Археологический материал, полученный на поселениях Бельцово-6 и Дальний Кут-3, указывает на однокультурность этих памятников. В археологии юга Дальнего Востока СССР дискутируется вопрос о соотношении ольгинской и польцевской археологических культур. Представляется, что раскопки вышеуказанных памятников помогут в решении этой проблемы.

Несколько интересных памятников железного века обнаружено в Ханкайском районе Приморского края. Один из них - поселение Новоселище-3 - расположено в 5,2 км к юго-западу от села Новоселище в восточной части распадка Аргановского. На южном и восточном склонах мысовидного отрога сопки зафиксировано 32 углубления - следы древних сооружений. Западины располагаются на четырех узких, л-образных террасах, вытянутых с юго-запада на северо-восток. Все западины имеют округлую форму, их диаметр варьирует от 3 до 10 м, средняя глубина - 0,5 м. Примерная площадь памятника - 11,5 тыс. кв. м. Поверхность поселения частично потревожена современными ямами, в двух случаях прорезающих западины. Вертикальная зачистка стенки такой ямы в восточной части памятника позволила выявить его стратиграфические особенности. Выделяется несколько слоев. Верхний слой - дерновый - представлял собой гумус черного цвета мощностью 0,1-0,13 м. Под дерном в центральной части зачистки прослежен слой суглинка темно-коричневого цвета (0,2-0,3 м), являющегося, вероятно, заполнением котлована древнего жилища. По краям зачистки отмечен слой светло-коричневого суглинка мощностью 0,25-0,3 м. Описанные напластования подстилались тонким (0,1 м) слоем суглинка, насыщенного углями и остатками сгоревших жердей. Материал - плотный рыжий суглинок (Рис.10,1).

На поселении собрана довольно многочисленная археологическая коллекция, представленная обломком шлифованного наконечника стрелы из сланца (Рис.10,11,18) и более чем 200 фрагментами

лепной керамики (Рис. 10, 11, 1-17). Основная масса керамики - тонкостенная (0,4-0,5 см), содержит в тесте среднезернистые примеси (выделяется слюда и кварц), имеет ангобированную заглаженную поверхность красновато-коричневого цвета. Техника изготовления посуды - ленточно-кольцевой налеп. Судя по фрагментам, преобладают высокогогорлые, плавнопрофильрованные сосуды со слегка оттогнутым наружу краем венчика, выпуклым туловом и плоским дном. Вероятно, сосуды использовались как кухонная посуда: на многих обломках сохранились следы нагара. Почти все сосуды имеют на расстоянии 1-2 см от края венчика валики-карнизы, в большинстве случаев украшенных насечками. Орнамент на тулове наносился способом прочерчивания или тиснения. Выделяются несколько композиций: горизонтальный пояс из прямых и волнистых линий, вертикальные параллельные бороздки, горизонтальные ряды из овальных и подтреугольных углублений, а также оттисков многозубого гребенчатого штампа. Несколько фрагментов керамики выделяются из общей массы своей толстостенностью (1-1,2 см) и отсутствием в тесте слюды.

В 0,5 км от описанного памятника, в западной части пади Аргановская, расположено поселение Новоселище-2, обследованное одним из авторов в 1986 г. и давнее аналогичный керамический материал (73, с. 32-33). Поселение Новоселище-2 имеет радиоуглеродную дату - 1680±70 лет назад (Ки - 3167), т.е. III-IV в. н.э. Вероятно, к этому же времени относится и новый памятник Новоселище-3.

Следующий археологический памятник обнаружен в 4,8 км к западу от села Новокачалинск, расположенном на западном побережье озера Ханка. Древнее поселение находится в северной части пади Куркуниха на левом возвышенном берегу реки Малые Учати. Здесь зафиксировано 37 углублений - следов древних сооружений. Все западины - округлой формы, их диаметр колеблется от 4 до 10 м, глубина - от 0,3 до 1 м. Площадь поселения превышает 10 тыс. кв. м. Культурный слой частично нарушен современными ямами, в 4-х случаях прорезавшими западины. Вертикальная зачистка стенки одной из таких ям в южной части поселения позволила выяснить стратиграфию памятника. Сверху, на глубину 0,15-0,18 м, шел дерновый слой, под ним лежал слой темно-коричневого суглинка

(0,25-0,35 м), подстилающийся тонким (0,1-0,2 м) слоем погребенной почвы - суглинком темной, почти черной окраски. Еще ниже прослежен слой коричневого суглинка мощностью 0,4-0,75 м и углистая тонкая прослойка (0,04-0,05 м). Материк - плотный рыжий суглинок. Кроме того, в северо-восточной части профиля зачистки зафиксирован вертикальный бортик котлована высотой 0,7 м. Таким образом, стратиграфически выделяются два основных культурных горизонта, разделенных прослойкой погребенной почвы. Один из них - слой коричневого суглинка - является заполнением котлована древнего сооружения типа полуземлянки (Рис. II, I).

При зачистке культурного слоя и сборе подъемного материала на памятнике была получена представительная археологическая коллекция, включающая в свой состав небольшое шлифованное тесловидное орудие из сланца, подпрямоугольное в сечении (Рис. I, II, I), обломок шлифованного сланцевого орудия (Рис. II, II, 2), а также около 350 фрагментов лепной керамики (Рис. 4, II). Большая часть керамики по технологии изготовления и орнаментации близка вышеописанной коллекции с поселения Новоселище-3. Другая часть представлена обломками плоскодонных сосудов со слабо выраженной горловиной, с прямыми или слегка отогнутыми наружу венчиками. В ряде случаев сразу под венчиком расположен остросереберный валик без насечек. Три обломка имеют под венчиком ручки-шишечки, округлые или овальные в сечении. Как показала зачистка культурного слоя, эта группа керамики связана с заполнением котлована древнего сооружения. Она характерна для конечного этапа раннего железного века Приморья - кроуновской археологической культуры (2-я половина I тыс. до н.э. - начало н.э.). Керамический материал верхнего культурного горизонта поселения Куркуниха-3 и близкий к нему материал поселения Новоселище-3 можно сравнить с керамическим материалом Найфельдской группы мохэских памятников Приамурья и датировать на данном этапе исследования III-V вв. н.э. (72, с. 40-60; 44, с. 49).

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. Козьмин Н.Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. Иркутск, 1934.
2. Толстов С.П. Генезис феодализма в кочевых скотоводческих обществах//Известия Государственной Академии истории материальной культуры, Вып. 103, М.-Л., 1934.
3. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
4. Фурсов А.И. Восточный феодализм и история Запада: критика одной интерпретации//Народы Азии и Африки, 1987, № 4.
5. Материалы объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955.
6. Потапов Л.П. О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана//Вопросы истории, 1954, № 6.
7. Толмбёков С.Е. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов//Вопросы истории, 1955, № 1.
8. Златкин И.Я. К вопросу о сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов//Вопросы истории, 1955, № 4.
9. О патриархально-феодальных отношениях у кочевых народов//Вопросы истории, 1956, № 1.
10. Толмбёков С.Е. Кочевое общество казахов в ХУП - начале ХХ века. Политико-экономический анализ. Алма-Ата, 1971.
11. Полянский Ф.Я. Типология феодализма. Деп. ИНИОН № 11493 от 03.11.82.
12. Фурсов А.И. Некоторые общезкономические проблемы развития Монголии в новое время. Деп. ИНИОН № 968 от 11.10.76.
13. Марков Г.Е. Кочевники Азии. М., 1976.
14. Бунятян Е.П. О формах собственности у кочевников//Археология и методы исторических реконструкций. Киев, 1985.
15. Федоров-Давыдов Г.А. Общественный строй кочевников в средневековую эпоху//Вопросы истории, 1976, № 8.
16. Першиц А.И. Некоторые особенности классовообразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов//Становление классов и государства. М., 1976.
17. Негря Л.В. Общественный строй Северной и Центральной Ара-

- вии в У - УП вв. М., 1981.
18. Попов А. В. Собственность маньчжурского императора на землю в Халха-Монголии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. - Л., 1987.
 19. Алексеев А. И., Мелихов Г. А. Открытие и первоначальное освоение русскими людьми Приамурья и Приморья // Вопросы истории. 1984. № 3.
 20. Маак Р. Путешествие на Амур. СПб., 1859.
 21. Бахрушин С. В. Казаки на Амуре. Л., 1925.
 22. Александров В. А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVIII в.). Хабаровск, 1984.
 23. Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 2. 1686-1691 гг. М., 1972.
 24. Новиков-Давурский Г. С. Открытие Амура русскими и начало освоения края // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. Благовещенск, 1953. Т. 2.
 25. Кабузан В. М. Дальневосточный край в XVIII - начале XX в. (1640-1917). Историко-демографический очерк. М., 1985.
 26. Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1608-1683 гг. М., 1969.
 27. Крадин Н. П. Оборонительные стены как элемент композиции деревянных крепостей Сибири // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск, 1986.
 28. Баландин С. Н. Оборонная архитектура Сибири в XVIII в. // Города Сибири. Новосибирск, 1974.
 29. Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России. Ч. 1. СПб., 1858.
 30. Буров В. А. Платформа под пушку из Соловецкого монастыря // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1982 г. Л., 1984.
 31. Кирпичников А. Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978 г. Л., 1979.
 32. Огурцов А. В. Типологическая классификация русских укреплений в конце XVIII - середине XIX в. // Проблемы охраны и освоения культурно-исторических ландшафтов Сибири. Новосибирск, 1986.

33. Ammerman A.J., Cavalli-Sforza I.I., Wagener D. Toward the estimation of population growth in Old World prehistory.// Demographic anthropology. Albuquerque, Univ. of New Mexico press, 1976, pp.27-61.
34. Angel J.L. The bases of paleodemographic.// American Journal of Physical Anthropology 31(3), 1969, pp.427-438.
35. Asch B. The middle Woodland population of the Lowry Illinois Valley. // Northwestern Anthropological Program Scientific Papers 1, 1976.
36. Howells W.W. Estimating population numbers through archaeological and skeletal remains.// The application of Quantitative method in archaeology. Ed. by Heizer, Cook. Viking Found Publications in Anthropology 28, 1960, pp.158-185.
37. Masset J. "Pression démographique"// L'archéologue de la Iraq. Paris, Centre National de la Recherche Scientifique, 1980, pp.335-341.
38. Cook S.F. Prehistoric demography. Addison-Wesley Modul.// Anthropology 16, 1972.
39. David N. On the lifespans of pottery type frequencies and archaeological inference.// American Antiquity, 37, 1977, pp.141-142.
40. Turner C.D., Lofgren L. Household size of prehistory Western Pueblo Indians.// Southwestern Journal of Anthropology 22, 1966, pp.117-132.
41. Ascher R. A prehistoric population estimate using midden analysis and two population methods (models)// Southwestern Journal of Anthropology 15, 1959, pp.168-178.
42. Wheat J.B. The Olsen-Chubbuck site: A paleo-Indian bison kill. Society for American Archaeology Memoir 26, 1972,
43. Parsons J.R. Prehistoric settlement patterns in the Texcoco region, Mexico. Univ. of Michigan Museum of Anthropology, Memoir 3, 1971.
44. Blanton R.E. Prehispanic settlement of the Ixtapalapa Peninsula region. Mexico, Department of Anthropology, Pennsylvania Univer. press // Occasional papers Anthropology 6, 1972.
45. Cook S.F., Heizer R.F. Relationships among houses, settlements areas and population in aboriginal California.// Settlement Archaeology. Ed. by H. Chang, Palo-Alto: National Press, 1968, pp.77-116.

46. Naroll R. Floor area and settlement population// American Antiquity 27, 1962, pp. 587-589.
47. Le-Blan S. An addition to Narolls suggested floor area and settlement population relationships// American Antiquity 36, 1971, pp. 310-311.
48. Baker D., Sanders W.G. Demographic dating in antropology // Annual Reveiws of Antropology 1, 1972, pp. 134-178.
49. Sanders W., Parsons J., Santley R. The Basin of Mexico: Ecological processes in the evolution of civilization. N.Y., 1979.
50. Casselberry S.E. Further refinement of formule for community size at Coapexco, Mexico.// Journal of Field Archaeology 2, 1975, pp. 97-104.
51. Kramer K. Village ethnoarchaeology Rural Iran in archaeological perspective. N.Y., 1981.
52. Child G. Social evolution. London: Watts, 1951.
53. Cook S.F., Treganza R. The Quantitative investigation of Indian mounds.// American Antiquity and Ethnology 40, 1950, pp. 223-261.
54. Cook S.F., Heizer R. The Quantitative approach to the relation between population and settlement size. Univ. of California Archaeological Survey Report 64, 1965, pp. 1-97.
55. Steward S. Theory of culture change.// The methodology of multilinear evolution. Urbana, Univ. of Illinois Press, 1955.
56. Schacht S.R. Estimating past population trends.// Annual Reveiws of Antropology 10, 1981, pp. 119-140.
57. Kolb C. Demographic estimates in archaeology.// Current Antropology, vol. 26, N.5, Dec. 1985, pp. 583-599.
58. Flannery U.V. "The early Mesoamerican Home".// The Early Mesoamerican Village. N.Y., Acad. Press, 1976, pp. 16-24.
59. Sanders W. The cultural ecology of the Teotihuacan Valley.// Univ. Park Department of Antropology, The Pennsylvania State Univ. Press, 1965.
60. Natin H. A synoptic comparison of Mesoamerican marriage and family structure.// Southwestern Journal of Antropology, 23, 1967, pp. 383-404.
61. Clarke G. Population geography. N.Y., Pergamon Press, 1965.
- 61a. Hole F., Heizer R. An introduction to prehistoric archaeology. N.Y., Holt, Rinehard & Winston, 1973.
62. Krader L. The origin of the State among the nomads of Asia.//

- The Early State. The Hague, 1978.
63. Krader L. The origin of the State among the nomads of Asia.// Pastoral Production and Society. Cambridge, 1979.
 64. Шаревская Б.И. Тотемизм//Советская историческая энциклопедия. Т.14. М.,1973.
 65. Архив Приморского филиала ГО СССР, фонд В.К.Арсеньева, оп.1 , д.10,с.164,199,203,211,212; д.11,с.381; д.27,л.12,с.305.
 66. Лопатин И.А. Орочи - сородичи маньчжур. Харбин,1925.
 67. Васильев Б.А. Медвежий праздник//Советская этнография.1948.№4.
 68. Семенов С.А. Первобытная техника//Материалы и исследования по археологии № 54. М.,1957.
 69. Андреева Ж.В.,Жутиховская И.С. Находки на мысе Чирок (поселение янковской культуры Славянка-1)//Материалы по археологии Дальнего Востока СССР.Владивосток,1981.
 70. Андреева Ж.В.,Жутиховская И.С., Конюшенко Н.А. Янковская культура.М.,1986.
 71. Андреева Ж.В. Приморье в эпоху первобытнообщинного строя.Железный век.М.,1977.
 72. Дьякова О.В. Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IУ-X вв.М.,1984.
 73. Ермаков В.Е. Исследование мохэских памятников Троица 5 и Новоселище 2 в Приморье//Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока . Препринт. Владивосток,1987.
 74. Окладников А.П. Советский Дальний Восток в свете новейших достижений археологии//Вопросы истории.1964.№1.
 75. Шавкунов В.Э. Отчет об археологической разведке в Яковлевском районе Приморского края в 1987 году//Архив Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО АН СССР. Фонд 1,оп.2,№ 228.
 76. Политическая экономия.Т.1.Докапиталистические способы производства.Общие закономерности капитализма.Изд.3-е.М.,1974.

Рис.1. Собственность.

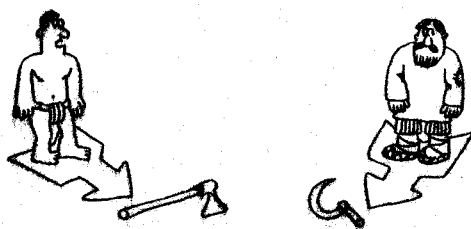

Рис.2. Обмен.

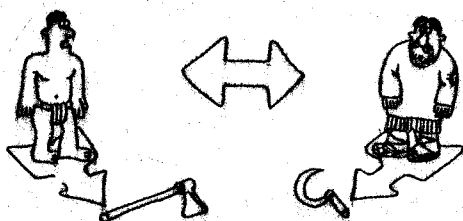

Рис.3. Высшее производственное отношение.

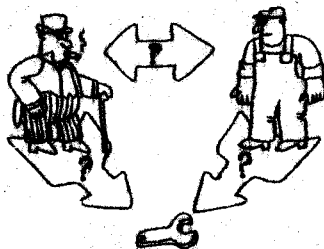

Рис. 4. Способ производства "А". Рабовладение.

Рис. 5. Способ производства "Б". Капитализм.

Рис. 6. Способ производства "Б". Зеркальное повторение.

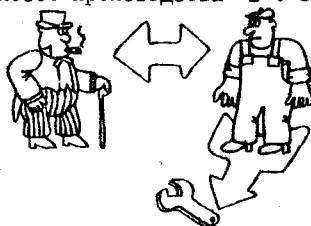
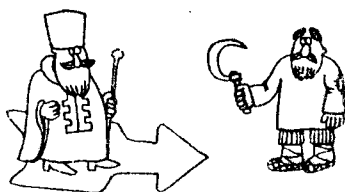

Рис. 7. Способ производства через собственность "на общину".

[Рис. 1-7 выполнены А.В.Зотовым]

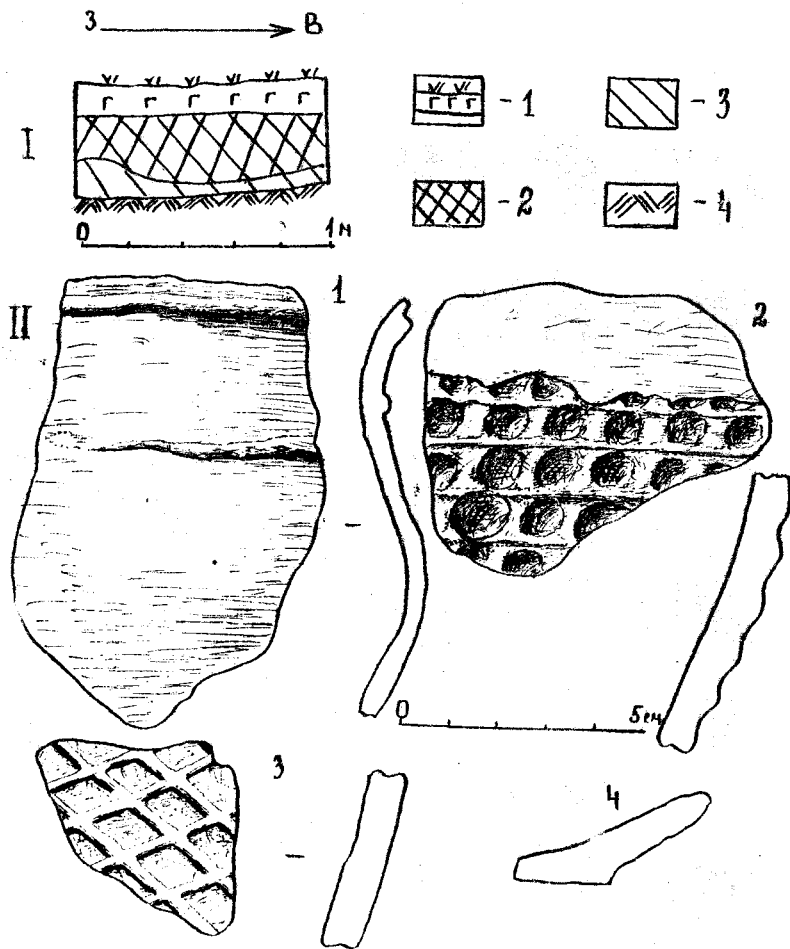

Рис.8. Поселение Бельцово-6 .

I. Профиль северной стенки шурфа: 1-дере; 2-Темно-серая гумусированная супесь; 3-серо-желтый суглинок; 4-материк.

II. Керамический материал.

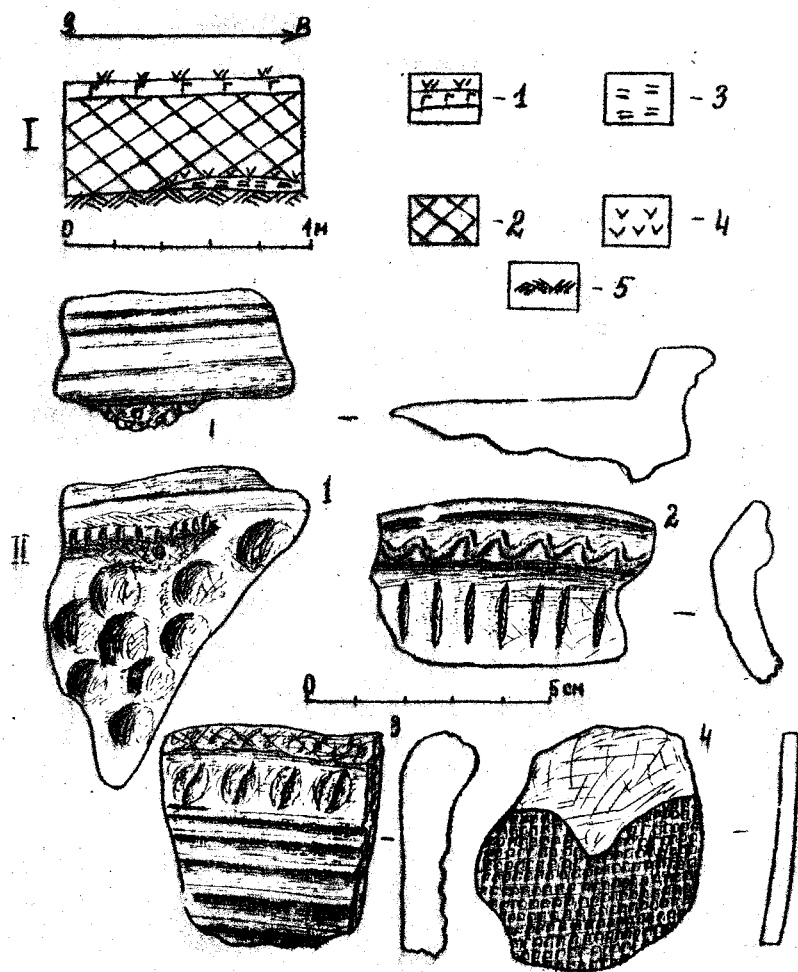

Рис.9. Поселение Дальний Кут-3.

- I. Профиль северной стенки шурфа: 1 - дерн; 2 - серая гумусированная супесь; 3 - жженый слой; 4 - угли; 5 - материк.
- II. Керамический материал.

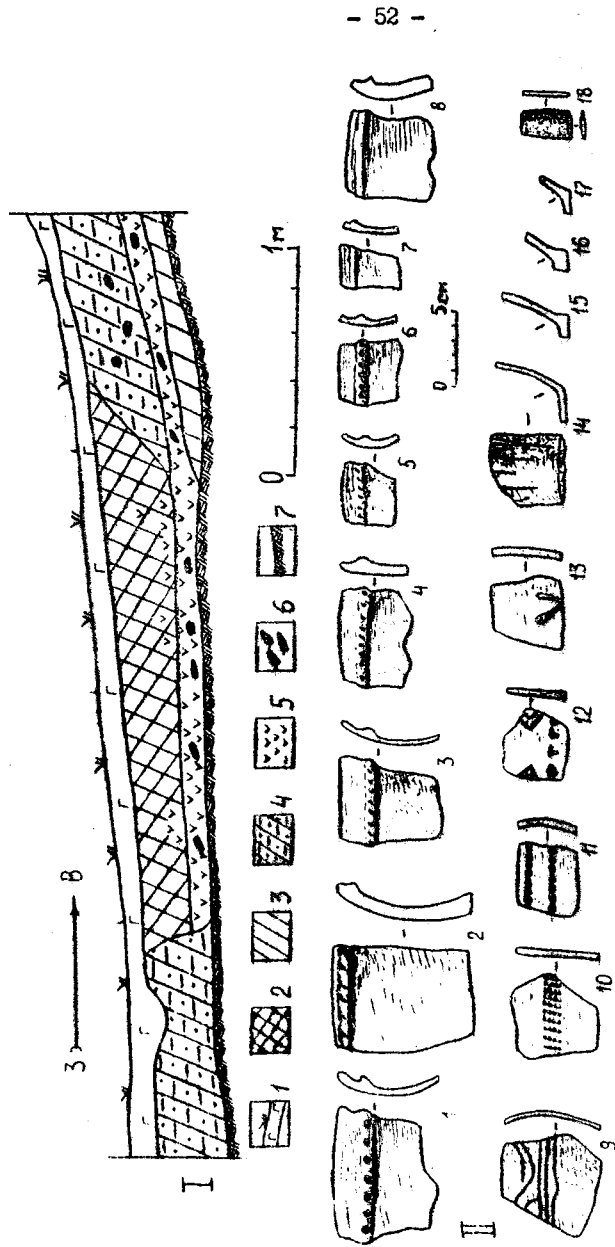

Рис. 10. Поселение Новоселище-3.

1. Вертикальная заплата культурного слоя: 1-дерево; 2-темно-коричневый суглинок; 3-коричневый суглинок; 4-слабопудроватый светло-коричневый суглинок; 5-углистый слой; 6-горелое дерево; 7-метерик.

II. Каменеческий метерик (1-17), осколок шифрованного наконечника стрелы (18).

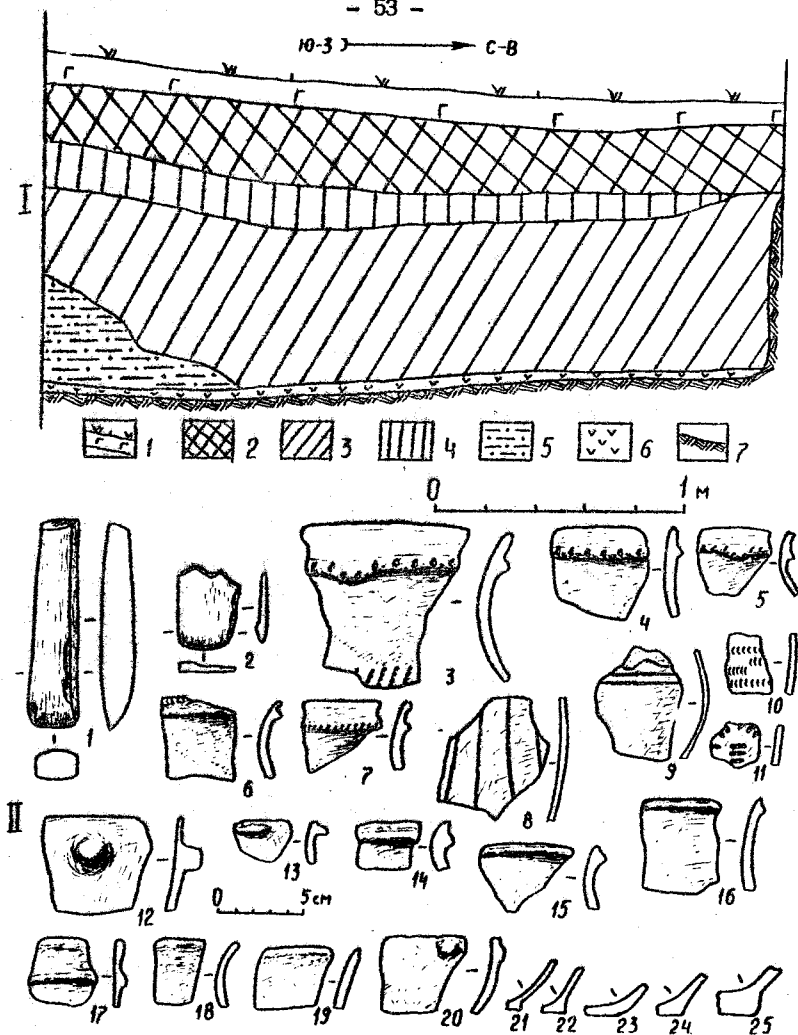

Рис. 11. Поселение Куркуниха-3 .

I. Вертикальная зачистка культурного слоя: 1-дерево; 2-темно-коричневый гумусированный суглинок; 3-коричневый суглинок; 4-слой погребенной почвы, коричневый суглинок; 5-желтовато-коричневый суглинок; 6-углистый слой; 7-материк

II. Шифрованные орудия (1-2), керамический материал (3-25) .

№	Виды моллюсков	прослойка		прослойка		прослойка	
		%	экз.	%	экз.	%	экз.
1	<i>Glinocardium californiensis</i>	-	-	0,16	1	0,04	1
2	<i>Macoma</i> SP	-	-	-	-	0,04	1
3	<i>Mastra chinensis</i>	-	-	0,16	1	0,04	1
4	<i>Chlamys swifti</i>	0,41	1	0,16	1	0,04	1
5	<i>Dosinia japonica</i>	-	-	0,16	1	0,08	2
6	<i>Septifer keenae</i>	-	-	0,16	1	0,08	2
7	<i>Scapharca broughtoni</i>	-	-	0,16	1	0,08	2
8	<i>Prototaca adamsi</i>	-	-	0,32	2	0,2	5
9	<i>Saxidomus purpuratus</i>	-	-	0,16	1	0,24	6
10	<i>Spisula sachalinensis</i>	0,41	1	0,48	3	0,36	9
11	<i>Prototaca euglip-ta</i>	1,64	4	0,32	2	0,4	10
12	<i>Chlamys swifti</i>	0,82	2	0,48	3	0,4	10
13	<i>Ruditapes philippinarum</i>	0,41	1	0,32	2	0,48	12
14	<i>Patinopesten yes-soensis</i>	0,82	2	1,28	8	0,48	12
15	<i>Mya japonica</i>	1,23	3	1,76	11	2,88	72
16	<i>Arca doucardi</i>	4,51	11	4	25	3,08	77
17	<i>Clycymeris yes-soensis</i>	3,69	9	5,76	36	4,96	124
18	<i>Grenomytilus grayanus</i>	10,66	26	11,36	71	7,72	193
19	<i>Grassostrea gigas</i>	74,2	181	71,5	447	74,12	1853
20	<i>Callista drevisi phonata</i>	0,44	1	-	-	-	-

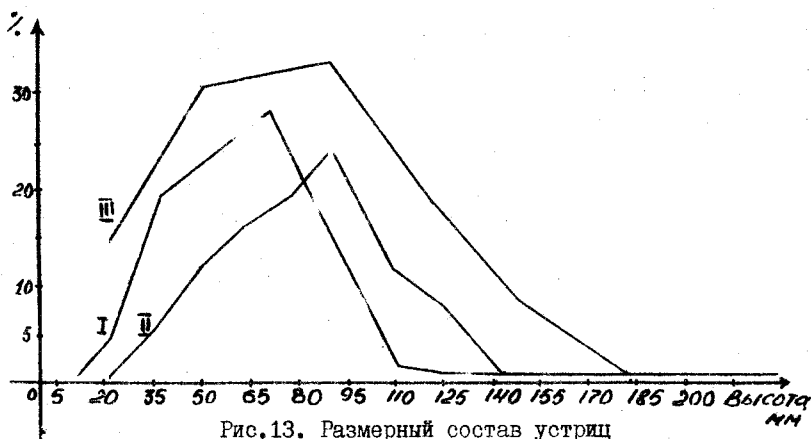

Рис.13. Размерный состав устриц

1-III - прослойки

СОДЕРЖАНИЕ

Крадин Н.Н. Этапы дискуссии о собственности у кочевников	3
Никитин Ю.Г. Демографические оценки в археологии (обзор англо-американской литературы 50-70 гг.)	10
Егоров Н.Г. К определению феодального способа производства ..	13
Артемьев А.Р. Опыт характеристики оборонительных сооружений Кумарского острога по описанию	17
Березницкий С.В. Тотемный зверь орочей - медведь	21
Горшкова И.С. Украшения как исторический источник	25
Штуцев М.Г. К вопросу о типологии шлифованных каменных ору- дий поселений янковской культуры Славянка-I и Славянка-2	30
Толстоногова В.В. Анализ моллюсков с поселения Песчаный-I ...	35
Клюев Н.А., Ермаков В.Е. Новые памятники железного века в Приморье (по материалам исследований 1988 г.)	37
Литература	43
Иллюстрации	48

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР

Препринт

Подписано к печати 4.10.1989 г. Формат 60х84/16.
Усл.п.л. 3,26. Уч.-изд.л. 3,17. Печать офсетная.
Тираж 150 экз. Заказ II. Бесплатно

Отпечатано в офсетно-ротапринтном цехе РИО ДВО АН СССР
690600, Владивосток, Ленинская, 50